

ЮЛЯ
ЛИСИЦИНА

КОГДА МЕРКНЕТ ПОСЛЕДНИЙ ЦВЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТАЙНЫ ЗАТОНУВШЕГО ТЕПЛОХОДА

18+

Юля Лисицина

Когда меркнет последний цвет

«Автор»

2026

Лисицина Ю.

Когда меркнет последний цвет / Ю. Лисицина — «Автор», 2026

Маша Орлова приезжает в Новую Зеландию, чтобы совершить опасное погружение к затонувшему теплоходу «Михаил Лермонтов». Там, среди ржавых обломков, покоится Лиатрис — семейная ценность, за которой однажды отправился её брат и не вернулся. Джордан Харрисон когда-то был одним из лучших инструкторов по дайвингу, но уже несколько лет он не выходил в море. После пережитой трагедии он поклялся никого не учить и успешно держал своё слово, постепенно погружаясь в бездну, пока однажды на его пороге не появилась Маша и не попросила о помощи. Их союз начинается с взаимной неприязни, но ежедневные погружения в холодные тёмные коридоры затонувшего теплохода быстро их сближают. На глубине из скорби и вдохновения рождается чувство, которое вернёт Джордану желание жить, а Машу научит доверять. Но сможет ли это чувство выдержать испытание правдой? Ведь теплоход скрывает тайны, которые могут разрушить всё.

© Лисицина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Часть I Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	52
Часть II Глава 18	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Когда меркнет последний цвет

Пролог

To the greatest passion of my life. I hope you'll give it another go.

Март 2020,
Залив Порт Гор, Новая Зеландия

Стрелка манометра сползла к отметке 10 бар. Каждый вдох давался труднее.

Сколько времени у него осталось? Тридцать? Сорок секунд? Если он вырвется из этой развалины и успеет хоть немного всплыть, появятся еще секунд десять. Этого должно хватить до поверхности. Должно. Его жизнь не может оборваться сегодня. Только не в тот день, когда он наконец понял свою ошибку.

Все это время он искал не там. Как он мог не догадаться раньше? Ведь ответ лежал на поверхности.

Он обязательно выберется и все ей расскажет. Нужно только найти иллюминатор. Или дыру. В этой гниющей посудине их должно быть полно. Но луч фонаря снова и снова упирался в глухие, обезображенные стены. Где эти чертовы иллюминаторы? Они должны быть повсюду. Он ведь не в подводной лодке.

Впереди что-то блеснуло. Солнечный луч? Фонарь другого дайвера?

Нет. Лишь отблеск его собственного фонаря.

Регулятор захрипел. Он сделал еще один вдох и всё.

Не может быть. На дне баллонов еще должен оставаться воздух. Он с силой вдохнул, но в ответ получил лишь боль в горле.

Это несправедливо. Неправильно.

Фонарь всё быстрее сканировал мертвое пространство. Так быстро, что всё смешалось. Ржавые тени слились с тишиной, и лишь внутри раздавались мощные удары сердца и скрежет его зубов, врезающихся в бесполезный регулятор.

В луче света промелькнул прямоугольный проем. Показалось?

Нет. Окно. Сплющенное тяжестью корабля.

Он просунул голову в отверстие, но корабль не отпускал.

«Отвали!» , он ударил по металлической раме. «Отвали к чёртовой матери!»

Пальцы начали неметь.

Ещё один вдох. Хотя бы один.

Он стукнул по раме снова — ржавый профиль треснул и отскочил. Он протиснул в отверстие голову, затем плечи, грудь, руки. Неужели получится? Проскальзывая наружу, он почувствовал, как от жилета что-то оторвалось. Оглянувшись, он увидел свою сумку для артефактов. Он потянул её, но корабль намертво вцепился в неё своими железными клыками. В его руках уже не осталось силы. Сознание тоже ускользало, и он провалился в темноту, как в сон.

Его тело содрогнулось, и он пришёл в себя. Сумка! Он вернется за ней. Сменит баллоны и сразу вернется.

Он нажал кнопку поддува жилета, но тот не наполнился. *Чёрт!*

Горло обжигал вакуум. Загубник трещал. Мрак снова подхватил его сознание и потянул в пропасть.

Нет... не могу... я не готов...

Он опять содрогнулся.

Грузы. Нужно сбросить грузы. Окаменевшие пальцы нащупали пряжку утяжелительного пояса, сомкнулись на металле, но было уже поздно. Последнюю судорогу собственного тела он уже не почувствовал, но в его ускользающем сознании ещё несколько секунд расплывались мысли.

Маша...

Одна...

Прости.

Часть I Глава 1

Декабрь, 2022

Окленд, Северный Остров, Новая Зеландия

Одиночество не смущало Машу Орлову. Благодаря ему она обрела свободу действий, научилась понимать себя, стала по-настоящему независимой. Но в чужой стране, на темной, безмолвной улице одиночество ощущалось по-другому — у него появился тревожный привкус. Захотелось, чтобы кто-то близкий оказался рядом, взял её за руку и побрел вместе с ней мимо приземистых домов, колючих суккулентов и остролистных пальм. Только вокруг не было никого. Ни единого прохожего.

Впереди показался указатель с надписью Waitama Street. Маша повесила свою спортивную сумку на другое плечо, перехватила ручку чемодана и свернула. Где-то там, в доме номер 76, ей предстояло провести сегодняшнюю ночь. Хозяин дома, Казуки Такахаша, пообещал ей отдельную комнату, которая закрывалась на ключ, и односпальную кровать — о большем Маша не мечтала. Ей нужно было лишь переночевать в безопасном месте, а завтра утром она полетит в Пиктон и наконец-то начнет поиски Лиагриса, семейной ценности, принадлежавшей отцу.

Раздался смех.

Он напугал и в то же время ободрил её. Она крепче сжала ручки спортивной сумки и плотнее прижала её к телу.

Зазвучали голоса: мужские и женский. Говорили на английском. Что-то выкрикивали, посвистывали, прихлопывали.

Маша прошла мимо дома номер 82... 80... 78. Последовали удары мяча об асфальт. Голоса становились громче, смех резче, и вдруг звон стекла.

Всё стихло. Но лишь на секунду.

Кто-то завопил. А потом опять голоса. Но от задора не осталось и следа.

Маша подошла к шумному двору. Две цифры на почтовом ящике: 7 и 6. Дом Казуки.

— Я вас предупреждал! — раздался мужской голос. — Забирайте свои вещи и выметайтесь!

Из открытой двери вылетел чемодан и с хрустом рухнул на землю, колёсики разлетелись в стороны. Потом ещё один чемодан. И ещё. Трое молодых парней и блондинка подхватили их и закинули в багажник своего Ниссана, перешёптываясь.

— Как вы меня достали! — заорал тот же голос, и во двор выскочил взъерошенный японец в пёстром халате. — Варвары!

В соседнем доме зажёгся свет.

Хоть бы полицию не вызвали, подумала Маша. Нужно было убираться. Допросы и досмотры ей были совсем ни к чему.

Она уже сделала шаг в сторону, но в этот момент из-за дома выбежала рыжая девочка. Своим громадным рюкзаком она задела мусорный бак и тот затарахтел отъезжая в сторону. Маша невольно обернулась.

— Ребята, подождите, — закричала девочка, подбегая к Ниссану. — У вас же есть место в машине. Возьмите меня с собой.

Сердце Маши дрогнуло. Но не мольба о помощи потрясла её, а до боли знакомый славянский акцент.

— Нет у нас места для шлюх, — выпалила блондинка и захлопнула дверь.

Ниссан завелся и задом выкатился на улицу.

— Чего стоишь? — крикнул хозяин дома рыжей. — Тоже проваливай.

— Казуки, у нас ведь был уговор, — сказала она, вытирая нос тыльной стороной руки.
— Куда я пойду ночью?

— А мне какое дело? — Японец указал на улицу трясущейся рукой и процедил: — Вон из моего дома!

— Капец, — пробормотала она, вылетая со двора.

Пробегая мимо Маши, девочка откинула назад свои пушистые кудри и взглянула на неё.

Маша лишь мельком заметила её серые заплаканные глаза, и сама того не осознавая ринулась следом. — Эй, — выкрикнула она. — Постой.

Девочка оглянулась. Ей было лет шестнадцать. На губах тёмная помада. Широкая футболка едва прикрывала живот, на левой руке браслеты из камней и бисера, короткие ногти были покрыты чёрным лаком.

— Чем могу помочь? — спросила девочка на английском.

Поровнявшись с ней, Маша захотела выпалить череду вопросов: где её родители, где её дом, почему она жила одна в доме японца. Но вместо этого она спросила: — Ты говоришь на русском?

Девочка ответила не сразу. Она окинула свою собеседницу взглядом, как бы оценивая можно ли доверять незнакомке, которая по возрасту годится ей в матери. И наверное решив, что можно сказала «Да».

— Вот так встреча, — улыбнулась Маша. — Как тебя зовут?

— Кира. А тебя?

— Маша, — ответила она и вместе они зашагали вдоль улицы.

— Ты откуда? — спросила Кира, заправляя локоны за ухо.

— Из Москвы, — сказала Маша. Она хотела спросить «А ты?», но Кира опередила её.

— Ты только прилетела, что ли?

— Ага, — ответила Маша и поправила спортивную сумку на плече. — Должна была ночевать сегодня Казуки.

— Угораздило же тебя, — ухмыльнулась девочка.

— Что там случилось?

— Ничего такого, — сказала Кира, глядя под ноги.

— Казуки не выглядел гостеприимным хозяином.

— Всё с Казуки было отпад, пока эта кучка придурков не поселилась. Вчера они до полуночи орал. На кухне оставили полный бардак, духовку спалили, а сегодня разбили окно его спальни. Вот он и психанул.

Маша хотела сказать, что у незнакомцев останавливаться опасно, но тут же осеклась. Прозвучало бы это как ханжество. Вместо этого она спросила: — Ты хорошо знаешь окрестности? Есть ли поблизости какие-нибудь отели?

— Забудь, — сказала девочка. — Все приемные уже закрыты.

— И что ты собираешься делать?

— Пойду на пляж.

— Сейчас?

— Почему нет? Спать на свежем воздухе полезно.

Неужели ей совсем некуда идти? думала Маша. Неужели в её жизни нет никого кто может ей помочь? — А завтра? — спросила она. — Куда пойдешь?

— Завтра и решу. — Кира остановилась.

Маша встала рядом.

— Мне туда, — сказала девочка, указывая в сторону узкого переулочка.

— Туда? — спросила Маша, вглядываясь в темноту между домами.

— Это дорожка к морю, — объяснила Кира. — Приятно было поболтать с тобой на родном языке, — добавила она, но уходить не спешила.

— Взаимно, — сказала Маша в растерянности.

— Ну, пока, — сказала девочка.

Маше следовало попрощаться и ехать в аэропорт, чтобы не пропустить рейс в Пиктон. У неё было лишь тридцать дней на поиски Лиатриса, разбираться с чужими проблемами времени не было. Но разве она могла оставить эту девочку на пляже в полном одиночестве, да ещё и с неизвестным будущем?

Глава 2

Сначала они шли по узкой асфальтированной тропинке между домами. Через несколько метров асфальт сменился гравием, вынуждая Машу взять чемодан в руки. От тяжести её тело перекошилось, и спортивная сумка соскользнула с плеча.

Кира оглянулась.

— Давай помогу, — сказала она, подхватывая сумку.

Маша нехотя разомкнула кулак, сжимавший ручки. — Спасибо, — сказала она, глядя на замок молнии: он был плотно закрыт.

Тропинка завела их в перелесок, и совсем скоро их ноги стали проваливаться в мягкий песок. Воздух наполнился запахом водорослей и соли. Впереди заблестело море, и послышались нежные всплески волн. На горизонте горели огни центра города. Кое-где между плотными тучами серебрились звезды.

Маша бросила чемодан, достала пачку сигарет и села на песок.

— Угостишь? — спросила девочка, присаживаясь рядом.

Маша замешкалась, ведь девочка была несовершеннолетней, но, секунду поразмыслив, всё-таки протянула Кире пачку.

— Классные. Здесь таких не купишь.

Маша кивнула, выпуская дым.

Несколько секунд они курили молча, пока Кира не вскрикнула: — Оно светится!

— Что?

— Море! Сначала я думала, что мне показалось, но теперь я уверена.

Она быстро скинула штаны и футболку и побежала к воде. Когда её ступни обняла волна, поверхность воды зажглась ярко-синим цветом.

— Видишь! — сказала Кира.

— Это восхитительно. — Маша подошла ближе.

— Попробуй.

Маша провела рукой по воде, и морская гладь вспыхнула сказочным цветом. Море было прохладным. Воздух тоже остыл. Но ей хотелось смыть с себя пыль перелётов, очиститься и переродиться на другом конце света, в этом биолюминесцентном чуде.

Она сняла с себя одежду и бросилась в море. Сначала плыла кролем, чтобы разогреться, а потом перешла на медленный брасс, наслаждаясь сиянием. Всплески капель воды в ночной тишине звучали по-особому четко, как рассыпающиеся жемчужные бусы.

— Маш... — выкрикнула девочка, догоняя её.

Маша развернулась. Девочка пристально смотрела ей в глаза. Маша подумала, что сейчас последует какое-то признание. Но, доплыв до своей спутницы, Кира хлопнула её по плечу и крикнула: — Латка!

Маша замешкалась.

— Что стоишь? — опять выкрикнула девочка. — Догоняй! Ты - Латка!

И тогда Маша бросилась вдогонку.

Она обогнала её и дотронулась до плеча. — Теперь ты латка, — сказала она, и Кира помчалась за ней.

Несколько минут они плавали друг за другом, хохотали и брызгались.

Выходя на берег, Маша осознала, что с тех пор как она попала на пляж, она совершенно не вспоминала о Лиатрисе. Она совсем забыла и об отце, и о брате. Ей стало не по себе. Так нельзя. Нужно сфокусироваться.

Она раскрыла чемодан и вытащила полотенце.

— Ты спортсменка? — спросила девочка, глядя на Машину фигуру.

— Нет, — ответила Маша, промакивая волосы. — Почему ты так решила?

— Ты быстро плаваешь, — ответила Кира.

— В Москве я каждый день ходила в бассейн.

— Это видно, — сказала девочка. — Ты красивая.

— Спасибо. — Маша натянула свитер и расправила влажные волосы. — Ты тоже.

— Я уродка! — выпалила Кира.

Маша опешила. — Что ты несешь?

— Посмотри на это! — сказала девочка, схватив себя за бедро. — Сколько тут жира. А это? — Она похлопала себя по животу. — Люди думают, что я беременна. А волосы! Это не волосы, это взрыв на фабрике «Доширак». На меня никогда никто не посмотрит.

— Глупая. Бедро у тебя аппетитные, живот, если тебе не нравится, можно за пару месяцев подкачать, а волосы... — Маша потянулась к ней, и девочка позволила её руке приблизиться. Она пригладила Кирины мокрые кудри, спадающие на глаза, и завела их за уши. — Можно надеть красивый обруч, и они не будут тебе мешать.

— Да, было бы здорово, — сказала Кира. Она подняла с песка штаны и вытряхнула их. — Мне всегда нравились такие серебряные обручи с маленькими рожками в кристаллах. Видела такие? — спросила она, просовывая ногу в штанину.

Маша кивнула.

— А покажешь мне, как лучше всего качать пресс?

— Покажу. Утром.

— Обещаешь?

— Честное пионерское, — сказала Маша.

Она расстелила полотенце и легла. Первый раз за последние тридцать шесть часов, проведенные в самолетах и аэропортах, её тело наконец-то отпустило напряжение и расслабилось.

Звезд уже совсем не осталось, небо затянули плотные низкие тучи. Хотя бы не пошел дождь, подумала Маша, но волноваться не было сил — её глаза непроизвольно закрылись. Шуршание волн об измеленные ракушки, как медитация, окутало её сознание, и она провалилась в блаженное беспамятство сна.

— Маш, — тихо позвала Кира.

Маша открыла глаза. Лицо девочки было напротив, всего в нескольких сантиметрах.

— Что?

— А что ты будешь делать завтра?

— Полечу в Пиктон.

— А зачем?

— Говорят, там красиво, — соврала она. — Заливы Мальборо, виноградники.

— А откуда у тебя столько денег?

Маша встрепенулась. Неужели девочка заметила содержимое её спортивной сумки? — С чего ты взяла, что у меня есть деньги? — спросила она.

— Это ведь очень дорого, да? Прилететь сюда из Москвы, есть в ресторанах, жить в отелях.

— Ты забыла, что я собиралась провести ночь в дешёвой комнате у Казуки? — сказала Маша и как бы невзначай положила руку на спортивную сумку, легонько притянув её ближе.

— М-да, — протянула Кира и добавила: — Я полечу в Пиктон с тобой.

— А у тебя билеты на самолет есть?

— Я куплю.

— Вряд ли ты сможешь купить билеты в разгар сезона.

— А я...

Последнее слово девочки заглушил раскат грома. Через секунду участок неба над морем озарился, будто освещенный гигантским прожектором, и последовал ещё один раскат.

Маша подскочила. — Собирайся, быстрее, — сказала она.

Сильный порыв ветра чуть не вырвал из её рук полотенце. Она скомкала его и запихнула в чемодан.

Раздался ещё один раскат. В этот раз настолько громкий, что вызвал у Маши первобытный страх и пробудил интуицию дикого зверя, которая твердила: спасайся, беги.

Но поздно.

В нескольких метрах от них взорвалось дерево.

Это было феерично и жутко. Его верхушка устремилась вверх, а отсеченные боковые ветви, как осколки метеоритов, разлетелись в стороны.

Грянул еще один раскат. Прямо над их головами. Машу затрясло от звуковой вибрации, а девочка свалилась на землю.

— Кира! — крикнула Маша, опускаясь рядом с ней на колени. Она слегка потрясла её за плечи и опять выкрикнула её имя. Реакции не последовало.

Она перевернула девочку на спину, откинула вверх её подбородок и наклонилась к её рту, прислушиваясь к дыханию.

Дождь барабанил по песку, завывали порывы ветра, продолжал греметь гром. Но не из-за шума Маша не слышала Кирино дыхания. Ее грудная клетка не двигалась.

Звать на помощь? Начинать реанимацию? Звонить в скорую? Что делать в первую очередь?

Она вытащила телефон и по заученной мантре набрала 103. Стёрла. Набрала 111.

Включив громкую связь, она положила ладони на грудную клетку Киры и принялась ритмично надавливать.

— Раз, два, три... Скорую помощь... шесть, семь, восемь... Девушка, несовершеннолетняя, не дышит. Скорее всего, удар молнии... — Маша закрыла Кире нос и вдохнула ей в рот. Её грудная клетка поднялась и медленно опустилась. — Раз, два, три... Провожу реанимацию в течение одной минуты.

— Скорая уже едет. Продолжайте.

Глава 3

Декабрь, 2022

Нельсон, Южный остров, Новая Зеландия

Джордан Харрисон забросил последний чемодан в полупустой кузов пикапа Холден Колорадо. Рядом с ним он аккуратно поставил ребризер — единственную вещь, всё ещё напоминавшую о его подводной карьере.

Жена Джордана, Кейти, наблюдала за ним едва сдерживая слезы жалости. Да, он был жалок. Он ненавидел себя за это.

— Так будет лучше, — сказала она, съёжившись от холодного южного ветра.

— Знаю, — сказал Джордан.

Он открыл пассажирскую дверь, и чёрная овчарка Фокси, виляя хвостом, запрыгнула на сиденье. Такая радостная и беззаботная. Она ещё не знала, что её ждёт. Да что там собака — её хозяин не имел ни малейшего представления о том, что будет дальше.

До последнего он ждал, что Кейти изменит своё решение и попросит его остаться. Вплоть до сегодняшнего утра Джордан не верил, что всё это происходит на самом деле. Он посмотрел на свою жену, на её покрасневшие глаза, на каштановые волосы, развевающиеся порывами ветра. Какого чёрта так холодно, ведь уже середина декабря.

— Иди в дом, простудишься, — сказал он лишь для того, чтобы что-то сказать.

Он откинул брезентовую накидку и стал пристёгивать её к кузову пикапа. Кто знает, сколько им сегодня предстоит проехать. Нужно быть готовым ко всему.

— Джордан, — позвала Кейти.

Он оглянулся.

До боли в груди он надеялся, что она позовет его обратно.

Кейти пристально взглянула ему в глаза и совершенно неожиданно взяла его руку. Она поднесла её к своим полным губам и нежно прикоснулась к его грубой коже. Он уже очень давно не чувствовал этих мягких, теплых губ. Так давно, что его тело даже забыло, как реагировать на такую нежность.

— Тебе нужно найти себя, — сказала она.

Меня уже не найти, хотел ответить он, но сдержался и хрипло произнёс: — Знаю.

— Пока, Джордан, — сказала она, и слёзы полились из её глаз, как струйки из переполненного бокала. Закутавшись в шерстяную кофту, она побежала к дому, подгоняемая порывами ветра.

Какое же я жалкое ничтожество, думал Джордан, прижимая руку с призраком её поцелуя к своей небритой щеке.

Дверь дома (его дома) с грохотом захлопнулась. Рождественский венок, висевший на ней, закачался, один из колокольчиков звонко упал на плитку порога и покатился вниз по ступенькам, звеня. Только этот звук не был похож на рождественский звон: он больше походил на хриплый предсмертный стон. Хотя Джордан уже не различал звуков — шелест листвы, трепыхание навеса, раскаты грома — всё смешалось и превратилось в единый голос, который вопил: проваливай, здесь тебе не место.

А где его место? Уже почти три года Джордан неприкаянно маялся. Просыпался и отсчитывал часы до того момента, когда опять можно было лечь в постель. Неудивительно, что жена его выставила. Он перестал быть мужчиной, он уже даже перестал быть человеком.

Кейти не сразу поставила на нем крест. Она честно пыталась спасти их брак, вытащить его, вдохнуть в него жизнь.

«Тебе нужно двигаться дальше», — говорила она, подсовывая ему под руки проспекты с залитыми нежным солнцем пляжами Северного острова. А когда это не помогло, в ход пошли визитки психологов. «Тебе нужна профессиональная помощь», твердила жена, но Джордан всё глубже погружался в пропасть. Он был недостоин золотых пляжей и лазурной воды. Только не после того, что он сделал. А психологи... От них не было толку. Им не удалось избавить его от удушающего и бесконечно чёрного чувства скорби. Да и чем бы они помогли? Парня всё равно не вернуть. И того, что в этом виноват Джордан, уже тоже не исправить.

Однажды во время локдауна, скитаясь по безнадёжно опустевшему центру города, он вдруг очутился внутри костёла. Окружённый высокими арками из светло-серого камня и цветными витражами, он глубоко вдохнул его тихий хрустальный воздух, и сами собой мысли стали обращаться к Богу. Он молил избавить его от сдавливающих грудь, испепеляющих сердце страданий. Но, взглянув на крест позади алтаря, оборвал свои мысли и поспешно вышел.

Джордан забрался в кабину.

Собака неуклюже ринулась к нему и радостно лизнула. Он вставил ключ в замок зажигания и напоследок оглянулся — в окне кухни зажёгся свет, и показался силуэт его жены. В одной руке она держала бокал, другая рука прижимала к уху телефон. Наверное, сообщает Ему, что безобразное чудовище выдворено из замка и принц на белом коне может занять свой трон, подумал Джордан и прокрутил ключ.

Дизельный двигатель Холдена взвыл; кузов машины затрясся так, что собака прилегла, не в силах удержать равновесие. От влажности и тепла лобовое стекло запотело. Джордан включил обдув, бессмысленно наблюдая, как серый налёт постепенно исчезает, но видимость лучше не становится. Границы его действительности размывались, окружающая реальность сливалась воедино, а в голове чётко вырисовывался тот день, когда Кейти сказала, что им лучше расстаться. Небо тогда было такое же чугунное.

— У тебя кто-то есть? — спросил её Джордан.

— Дело не в этом...

— Значит, есть.

— Я устала пытаться. У меня ничего не получается. Я больше не знаю, как тебе помочь. Мне очень жаль, правда, но я больше так не могу.

— Я изменюсь, обещаю.

— Нет, Джордан. Ты это уже обещал.

— Мне нужно время.

— Прошло уже почти три года.

— Кейти...

— До рождества...

— Хорошо, я изменюсь, до Рождества.

— Нет, Джордан. Тебе нужно съехать до Рождества. Фокси может остаться здесь, пока ты не найдёшь постоянное жильё.

Ну уж нет. Этот Принц получает мою жену, ему не достанется ещё и моя собака. Хотя теперь Джордан жалел об этом решении. Снять дом, где можно жить с собакой, причём с такой собакой, будет непросто. В отель с животными не пускают, да и какой там отель. Он уже три года был безработным. Когда из-за ковида ему пришлось попрощаться со своим дайв-бизнесом, государство выплачивало ему небольшую компенсацию. Но за последний год на его банковский счёт не упало ни доллара.

Куда бы ему податься?

Раньше у Джордана было много друзей, но после трёх лет антисоциальной жизни все они отпали, как листья клёна по осени. Остались только двое: наполовину маори, наполовину

англичанин, Ранги Томпсон, и чистокровный австралиец (как он сам о себе говорил в шутку) Чак Мосс.

С Чаком они познакомились в клубе подводного плавания ещё до того, как Джордан открыл свой бизнес. Тот хоть и был самоучкой без единого сертификата, но научил Джордана большему, чем дорогостоящие курсы в Англии. А с Ранги Джордан познакомился случайно, после того как вернулся из Англии. Он тогда искал подходящий катер для своего бизнеса, а Ранги пытался от катера избавиться.

Ну, мужики, не подведите, думал Джордан. Один из вас должен мне помочь.

Глава 4

Джордан припарковал Холден возле паба Sprig & Fern, где работал Ранги, приоткрыл пассажирское окно для Фокси и побрёл к деревянным дверям. Собака заскулила вдогонку. Джордан махнул рукой, не оборачиваясь, давая понять, что он ненадолго.

В пабе стоял галдёж. Погода загнала всех туристов и местных туда, где тепло и пахнет запечёнными мидиями. Джордан с трудом пробрался к барной стойке.

— Здорово, чувак, — сказал он другу.

Ранги был небольшого роста, крепкого телосложения, смуглый мужчина с заметно выдающимся животом. При виде Джордана он искренне улыбнулся и вытянул руку, зажатую в кулак. Джордан стукнул по ней своим кулаком и присел на высокий стул.

— Рад тебя видеть в социуме, — сказал Ранги. — Как жизнь?

— Да так... — начал Джордан. — Мне нужно где-то... — переночевать, хотел сказать он, но его перебил звонкий грохот, раздавшийся позади.

— Простите, я случайно, — сказала молодая девушка, подбирая рассыпавшиеся рождественские шарики.

— Хорошо, что они не стеклянные, — сказал Ранги. Он вышел из-за барной стойки, сложил руки на животе и покачал головой. — А я предупреждал: ёлка рядом с уборной — это плохая идея. — Он поднял дерево, а потом опустился на колени и принялся закручивать регуляторы металлической подставки.

Джордан подобрал блестящий оранжевый шарик, очутившийся у его ног. Такой лёгкий и гладкий. Он уже давно не держал в руках рождественские украшения. Кейти всё делала сама: наряжала дом, развешивала огоньки, покупала салфетки с картинками заснеженных домов. А в этом году? Станет ли она это делать для Принца?

Теребя между пальцами золотистую верёвочку украшения, Джордан сказал: — Мы с Кейти расстались.

Ранги оглянулся. — Это всё-таки случилось? — Он тяжело поднялся с колен. — Давай забодяжу тебе коктейльчик.

Когда Ранги вернулся за барную стойку, Джордану вдруг захотелось излить другу душу. Сказать, что его женщина нашла ему замену в онлайн-приложении. Сказать, что его женщина теперь с каким-то, мать его, инструктором по верховой езде. Что это вообще за профессия? Тем более для мужика. Он хотел обсудить этого Принца, перемыть ему косточки, может, даже высмеять его, но Ранги резко сменил тему.

— Тебе нужно начать жить, чувак, — сказал он, встряхивая металлический шейкер. Кусочки льда затарахтели, как погремущка. — Сейчас самое время вернуться в бизнес: границы открыты, туристы валят к нам пачками. — Ранги открыл шейкер и налил коричневую смесь в низкий круглый стакан. — Как Faith? — спросил он.

От этого имени Джордана передёрнуло. Ранги прекрасно знал, как Faith. Джордан не снимал этот катер с якоря уже почти три года. Как он? Да так же, как и Джордан: ржавый, обросший балянусами, одинокий. Потерявший смысл существования.

Джордан замотал головой и сделал глоток из прохладного, влажного бокала — это была какая-то крепкая, сладко-гадкая смесь. Он сморщился.

— Надо бы привести её в порядок, — сказал Ранги. Он взял с полки длинный пивной бокал, налил в него янтарной жидкости из латунного крана — пена потекла через верх. Он поставил бокал на резиновый коврик и выкрикнул официантке: «Итальянский пилснер». Потом, глядя на Джордана, сказал: «Хочешь, вместе её в док загоним. Отмоем, покрасим. Я всегда готов помочь. Что скажешь?»

Джордан уже давно решил, что в бизнес не вернётся. Не станет больше никого учить, никого больше не подвергнет опасности. Он уже даже от оборудования избавился, остались только ребризер да катер. Ребризер он собирался продать, а вот что делать с Faith, пока не решил.

— Сейчас мне твоя помощь в другом нужна, — сказал Джордан. Он автоматически поднёс бокал к губам, но, вспомнив противный вкус напитка, поставил его обратно. — Можно у тебя перекантоваться недельку-другую?

Ранги с треском открыл металлическую пробку бутылки Russian Jack.

— Не вопрос, чувак, — сказал он, наливая белое вино в бокал. — Только будь готов — у меня дома полный дурдом. Тамати приехал с детьми, женой и тёткой. На все праздники остаются, числа до пятого.

— Понятно...

— Места на всех хватит. Будет весело!

Весело... подумал про себя Джордан. Неужели кому-то в этой жизни ещё бывает весело? А если и так, то пусть веселятся сами, не хочу никого огорчать своей кислой миной.

— Не хочу вас стеснять, — сказал он.

— А Чаку ты не звонил? Разве он не уезжает каждый год на Рождество в Австралию? Его дом наверняка пустует...

— Позвоню, — сказал Джордан. — Обязательно позвоню. Спасибо, друг. — Он отставил свой недопитый бокал и попрощался.

Медленным шагом он вышел на парковку. Порыв ветра растрепал его изрядно отросшие, редяющие волосы и оросил их противным холодным дождём. Небосвод вспыхнул. Последовал раскат грома, а за ним через приоткрытое окно «Холдена» послышалось поскуливание Фокси.

Джордан открыл дверь. Из кабины вырвался резкий запах влажной собачьей шерсти. Ткань пассажирского сиденья блеснула влагой, а внизу, на резиновом коврике, образовалась лужа.

Он сел за руль. Фокси радостно затрясла головой, распыляя капли по всей кабине, и принялась мокрыми лапами топтать хозяина.

— Хватит, Фокси, — сказал он, отодвигая собаку обратно на пассажирское сиденье.

Рукавом толстовки он вытер лицо и завел двигатель.

Выворачивая руль одной рукой, другой он набирал сообщение Чаку: «Чувак, ты в Австралии? Мне нужно где-то зависнуть на недельку. Подробности позже».

Выехав с парковки, Джордан остановился на перекрёстке и включил правый поворотник. Он уже собирался отпустить педаль тормоза, когда заметил, как к дороге клонится высокий эвкалипт. Раздался треск. На дорожное полотно посыпалась земля, полетели булыжники, а за ними с грохотом рухнуло дерево. Джордан судорожно сжал руль.

Раскидистая крона с серебристо-оливковыми листьями и алыми цветами распласталась на асфальте. Эвкалипт не просто сломался, его массивный ствол вырвало из земли прямо с корнями. Джордан уставился на них — такие слабые и короткие. Против такой бури у этого дерева не было ни единого шанса.

Сзади засигналили. Джордан включил левый поворотник и выехал на главную улицу.

В приоткрытое пассажирское окно залетели брызги дождя — собака фыркнула. Джордан нажал на стеклоподъёмник, но стекло не закрылось. Что за чёрт? — подумал он, продолжая усердно давить на кнопку. Его палец случайно съехал на противоположную сторону кнопки, и стекло тут же поехало вниз.

— Чёрт! Нет, стой, — запаниковал Джордан, пытаясь остановить механизм. Но окно продолжало открываться, пока не открылось полностью, и теперь ледяные капли дождя попадали не только на собаку, но и на хозяина. И как ни нажимал Джордан на кнопку, как ни лупил её, как ни обкладывал её матом, вверх стекло не поехало.

Он проверил телефон — новых сообщений не было.

На дороге творился хаос. Падали сломанные ветром ветви, летали картонные коробки и другой хлам. Дорогу перебежали перепуганные пешеходы. Машины проскакивали на красный и нервно сигналили. Свет фонарей и светофоров отражался в залитом дождём асфальте, как в водной глади реки.

Слева на большой скорости промчался грузовик. Черда брызг из-под его колёс волной накрыла Холден. Крупные капли залетели в салон. Левая штанина Джордана моментально вымокла и противно прилипла к голени.

Он выругался и опять надавил на кнопку стеклоподъёмника — без результата.

Впереди замаячили красно-синие проблесковые огни. Две полосы слились в одну, и движение замедлилось.

Джордан проверил телефон и увидел оповещение о новом голосовом сообщении. Кейти, промелькнуло у него в голове. Она наверняка переживает. Может, даже попросит вернуться домой.

Джордан нажал на плей.

«Какая на хрен Австралия», послышался осипший голос Чака. «У меня чёртов ковид. Малой тоже заболел. Теперь очередь за ста...», сообщение прервалось kloкочущим кашлем, а потом продолжилось ещё более хриплым голосом: «Сюда не суйся. Надеюсь, у вас с Кейти всё в порядке».

Чёрт! Неужели придётся ночевать в машине? Не страшно. Он заедет в строительный, купит плёнку и скотч, чтобы заклеить окно. Чинить будет завтра, когда распогодится.

Движение на дороге остановилось. Пользуясь моментом, Джордан забил в поисковике телефона «Погода Нельсон». На экране высветилось сообщение: «Красный уровень опасности. Велика вероятность подтопления дорог и селей. Просьба жителям региона отказаться от длительных поездок и не выезжать на трассу без надобности. Данное предупреждение распространяется на следующие 72 часа».

Стук в окно взбудоражил его. Офицер полиции в жёлтом пончо жестом попросила его опустить стекло. Джордан так и сделал.

— Трасса закрыта, — сказала женщина. С козырька её фуражки вода лилась прямо в салон. Собака завиляла хвостом и залезла Джордану на колени, повизгивая.

— Что случилось? — спросил он, отодвигая мокрого пса обратно на сиденье.

— Впереди обвал. Вам придётся разворачиваться.

— Спасибо. — Джордан включил правый поворотник и нажал на кнопку, чтобы закрыть окно, но и это стекло не двинулось с места. — Да чтоб тебя, старая колымага! — проревел он. Что за день сегодня. Может, всё-таки вернуться домой? А что, если Принц уже там? Вот дерьмо. Собака чихнула и искоса посмотрела на хозяина, оголяя глазной белок.

— Вот скажи мне, Фокси, на хрена я тебя взял с собой? Я же не о тебе думал, а о своём эго. Грёбанный слабак. Грёбанный, ничтожный слабак, — повторил он, ударяя руками о руль.

Ночевать в машине с двумя незакрывающимися окнами не вариант. Чинить их и ждать до завтра? Но ведь завтра погода не наладится. Оставался только один выход.

Джордан думал, что никакие обстоятельства не вынудят его прибегнуть к этому. Он поклялся себе, что никогда не попросит помощи у этого человека. Никогда не покажет ему свои позорные слабые корни. Но скрывать их уже не было смысла. Они уже третий год зияли на поверхности.

Нажимать имя Рича на мокром экране телефона было до удушья больно. А слушать гудки в ожидании его голоса было равносильно медленной потере крови.

— Да, — в трубке отозвался холодный бас.

— Привет, пап...

Глава 5

Окленд, Северный Остров, Новая Зеландия

В приёмной отделения скорой помощи звучала рождественская музыка, которая нелепо сочеталась с серьёзными лицами докторов и обеспокоенными пациентами.

Прошло уже четырнадцать часов с тех пор, как скорая привезла их в больницу. Маша корила себя за то, что случилось. Если бы вчера она повела себя ответственно, если бы была более настойчивой и нашла для них с Кирой гостиницу, сердце девочки не остановилось бы.

Они никогда не говорят, сколько ждать скорую, только повторяют: «Помощь уже в пути, продолжайте реанимацию». Первые три минуты дались сравнительно легко, а вот остальное время она бы не выдержала без постоянного подбадривания оператора. Маше казалось, что она всё делает не так. Её руки то и дело соскальзывали на несколько сантиметров вниз, нажимы имели разную глубину, и как она ни старалась, как сильно ни хотела, чтобы девочка задышала, этого не происходило. «Продолжайте реанимацию, вы всё делаете верно».

— Мисс, — обратилась к Маше администратор отделения, — подойдите, пожалуйста.

Маша подошла к стойке регистрации.

— Мисс Мария О-ло-ва? — женщина вопросительно посмотрела на Машу.

— Орлова, — сказала Маша, делая акцент на букве «р».

— Извините, Мария, — сказала администраторша, смущаясь. — Распишитесь, пожалуйста, вот здесь и здесь.

Маша расписалась. — Вы оповестили её родных? — спросила она.

— Сегодня ей исполнилось восемнадцать, мы не обязаны связываться с её родственниками. — Женщина забрала формы и перешла к копировальному аппарату. Сканируя документы, она продолжила: — Если бы её некому было забрать, тогда нам пришлось бы их найти. — Она посмотрела на Машу озабоченным взглядом и добавила: — Вы ведь её заберёте?

— Да. Конечно. Я её заберу.

Маша не могла поверить, что Кире стукнуло восемнадцать. Девочка не только выглядела как тинейджер, но и вела себя по-детски. Маша в свои восемнадцать отрабатывала ночные смены в ресторане и собирала деньги на то, чтобы вытащить брата Лёвку из детского дома. А когда восемнадцать стукнуло Лёвке, у него уже были подчинённые, которые тестировали разработанные им компьютерные приложения.

— Вот ваша копия, — сказала женщина, подсовывая Маше отсканированную форму. — Доктор здесь пометил, что... — она запнулась и уставилась вдаль. — А вот и наша избранница судьбы, — сказала она, расплываясь в улыбке.

Маша оглянулась.

Растрёпанная, в мятых штанах, с бумажками в руках шагала Кира. Заметив свою спасительницу, она засмеялась и прикрыла рот рукой. Маша шагнула ей навстречу с твёрдым намерением обнять её. Даже если та ошкетинится — неважно. Эта близость была Маше необходима. Она прижала Киру к себе, и её юное, хрупкое тело унесло Машу в прошлое — в тот день, когда она забрала Лёвку из приюта и привезла его в свою маленькую однушку на Басманном.

— Ваша подруга родилась под счастливой звездой, — сказала администратор.

— Да уж. Сколько счастья нужно иметь, чтобы словить молнию в день рождения, — сказала Маша, отпуская Киру.

— Не окажись вы рядом, Мария, — продолжила администратор, — не начни вы вовремя реанимацию... Кто знает... кто знает, — покачала она головой.

На самом деле счастье Киры было в том, что база скорой помощи была совсем рядом. Они приехали ровно через шесть минут после звонка. В машине, после первого же разряда дефи-

брильятора, Кира задышала. А после того, как ей поставили капельницу, она открыла глаза. Первое, что сказала девочка, было: «Не бросай». «Не брошу», — ответила Маша и поняла, что её самолёт на Пиктон улетит без неё.

— Кира, — сказала администратор, — несмотря на то, что все твои анализы в норме, тебе нужно отдыхать и избегать физических нагрузок. А если начнёт кружиться голова или почувствуешь слабость — немедленно вызывай скорую.

Девочка кивнула.

— Спасибо, — сказала Маша. — Я прослежу, чтобы она отдыхала.

— А где твои сумки? — спросила Кира, когда они шли к выходу.

— В машине, — ответила Маша.

— В машине? У нас теперь есть машина?

У нас... После того что случилось Маше будет непросто оставить девочку. Но держать её при себе тоже не было смысла. Даже если Кира поплывёт с ней в Порт-Гор к месту кораблекрушения, если она выдержит четыре недели качки и скуки на катере, пока Маша будет нырять с опытными дайверами в поисках фамильного сокровища, что потом? Когда придёт время возвращаться в Россию?

— Офигеть, — протянула Кира, увидев новенькую Toyota Corolla. — Чур я за рулём.

— И не думай, — сказала Маша. — Слышала, что врач сказал? Тебе нужно отдыхать. Вот и отдыхай на пассажирском сиденье.

— Ну ты зануда, — сказала девочка, открывая пассажирскую дверь. — Смотри, на встречу не выезжай, тут движение левостороннее.

— Знаю, — сказала Маша и уселась за руль. Из кармана двери она достала белоснежный бумажный пакет и протянула его Кире. — Это тебе.

Осторожно девочка взяла подарок. — Что это?

— Открой и узнаешь.

Кира робко заглянула внутрь.

— Вот это да! — Она вытащила содержимое и несколько секунд рассматривала его. На тонком серебряном обруче красовались элегантные оленьи рожки, увенчанные кристаллами. — Как сияют! — Кира надела обруч, приструняя свои пушистые волосы. — И как я тебе?

— Настоящая принцесса Рождества, — сказала Маша. — С днём рождения.

Глава 6

Нельсон, Южный остров, Новая Зеландия

Прошло около полутора часов, прежде чем Джордану удалось вырваться из центра города. Казалось, на дорогу выехали все, включая старые колымаги, которые не видели техосмотра со времён Второй мировой.

И чего людям не сидится дома в такую погоду?

На междугородней трассе дела обстояли лучше. Встречные машины лишь изредка проезжали мимо, а после того как Джордан обогнал фуру, его скорость значительно увеличилась. Не то чтобы он сильно спешил увидеть отца, ему просто хотелось достичь какой-то развязки. Он хотел завершить хоть что-то — хотя бы этот день.

Его отец, Рич, на удивление, был немногословен по телефону. Он не стал читать ему нотации и устраивать допросы. Их он оставил на потом, когда они встретятся лицом к лицу. Тогда он сможет не только слушать отговорки и оправдания Джордана, но и любоваться тем, как сбивается спесь с лица сына. Ричу доставляло особое наслаждение наблюдать, как его авторитет довлел над Джорданом и прижимал его всё сильнее к полу. О, как же он наслаждался этой полной и *полноправной* властью над эмоциями сына.

—Откроешь для меня флигель? — спросил Джордан.

—Нет, — отрезал отец. — Ты мать уже сколько не видел? Будешь сегодня ночевать в доме.

Действительно, сколько он не видел мать? Наверное, с того самого дня, как её выписали из больницы. Когда это было? В апреле или мае. А сейчас уже декабрь. Чувство вины с новой силой захлестнуло его. Мышцы рук и ног начали дрожать.

—Наберёшь меня, когда будешь в Пиктоне, — приказал Рич.

—Хорошо.

До Пиктона Джордан планировал добраться за два с половиной часа, а оттуда — через лес на ферму.

Ферма Харрисон.

Джордан не любил это место, не любил туда возвращаться. Там он чувствовал себя как в ловушке. До ближайшей цивилизации нужно было плыть на лодке или пробираться по холмам через лес двадцать шесть километров.

Его старшие сёстры, Луиза и Никола, тоже ненавидели ферму. Как только появилась возможность, они сбежали из этого тупика: одна — в Англию, другая — в Австралию, оставляя двенадцатилетнего Джордана на растерзание отцу.

А ведь начало их отношений было многообещающим. Когда после двух дочерей у Рича наконец-то родился сын, он сразу окрестил его наследником фермы, в надежде, что у него появился долгожданный помощник. Как только малыш начал ходить, Рич усаживал сына на свой квадрик и часами катал его по сочным лугам, мимо ангаров, овец, тракторов и иногда позволял мальчику держаться за руль.

Когда Джордану исполнилось пять, он получил свой первый проект — следить за новорождёнными ягнятами.

«Не спускай с них глаз, — сказал отец, насупив брови. — Отвечаешь за них головой».

Каждый день той весной, и в дождь, и в холод мальчик бежал на пастбище, пересчитывал ягнят и наблюдал за ними.

Однажды утром он заметил ягнёнка по другую сторону ограды. Мать-овечка блеяла рядом, а малыш пытался перепрыгнуть через забор. Джордан обошёл ограду с другой стороны

и взял маленькое животное в руки. В тот промозглый, туманный день его тёплая шёрстка приятно ощущалась в ладонях. Джордан прижал ягнёнка к груди и удивился, когда рассмотрел его глаза. Издалека они казались просто чёрными точками, а теперь Джордан заметил, что его зрачки были необычной формы — вытянутые, как два знака минус. Ягнёнок вырвался и, подпрыгивая, побежал к матери, а Джордан ещё несколько минут ощущал тепло его костлявого тельца на своих ладонях.

Спустя четыре месяца, когда наступило лето и трава покрылась позолотой, во двор въехал подозрительный грузовик. По его бордовому кузову тянулась череда продолговатых окошек, и от него как-то странно пахло. Жутко. Он протарахтел мимо дома и направился в сторону пастбищ.

Маленький Джордан тут же бросился вдогонку.

Ещё издалека мальчик заметил своих ягнят. По трапу они поднимались в грузовик, подгоняемые незнакомым мужчиной. Рич стоял рядом, облокотившись о деревянную ограду.

— Пап, куда? — спросил он, еле дыша.

— На бойню, сынок.

Джордана бросило в жар. Не может быть. Только не его ягнята. Отец, скорее всего, ошибся.

— Нет, папа. Не этих. Они же ещё маленькие.

— В самый раз, сынок, — сказал отец, наблюдая, как последний ягнёнок заходит в кузов.

Всё вокруг завертелось и поблёкло. Джордан схватил отца за руку.

— Пап, — сказал он kloкочущим шёпотом. По его губам растекались слёзы. — Им ведь только четыре месяца.

Рич взглянул на сына. В его глазах что-то промелькнуло. Тень сомнения. Но слишком зыбкая. Она быстро растаяла, и его лоб тут же сморщился. — Не смей сопли распускать, — сказал он, выдёргивая руку из ладоней сына. — Мы же это обсуждали. Я же тебе объяснял, для чего мы овец выращиваем.

— Знаю, но папа...

Бах! Хлопнула дверь кузова.

Джордан резко ударил по тормозам — его кинуло вперёд. Всего в метре от него плёлся кемпервен. Он выключил дальний свет и огляделся. Вокруг было темно, но он узнал это место. Совсем скоро он доберётся до перевала, а оттуда дорога завияет вниз. Но кемпервен не спешил.

— Терпи, Фокси, — сказал он своему мокрому другу. Собака подняла морду и наострила уши, ожидая указаний. — Будем ждать, пока этот тарантас соизволит нас пропустить. — Он потрепал собаку по макушке, в который раз проклиная себя за то, что взял её с собой. — Прости, — прошептал он.

Впереди открылся прямой участок трассы. Джордан прижался к разделительной полосе, всматриваясь в даль. Дорога шла вниз, впереди было чисто. Джордан включил поворотник и собрался идти на обгон, как вдруг, вместо того чтобы его пропустить, кемпервен ускорился и оторвался от него. Что за чёрт? От злости Джордана бросило в пот, но сдаваться он не собирался. Это всего лишь гребанный автобус, Холден сделает его как стоячего, подумал он и крепче надавил на газ.

Догнав кемпервен, Джордан опять включил поворотник и выехал на встречную. Автобус даже не думал сбавлять скорость. Джордан поравнялся с его задней дверью — ему не терпелось увидеть, что за бестолковый водитель сидит за рулем. Вот сейчас он его догонит и в свое незакрывающееся окно высунет ему средний палец. Спидометр показал 130 км в час, взгляд Джордана был направлен в сторону водителя кемпервена, но было так темно, что рассмотреть какие-либо очертания было невозможно. Впереди вспыхнул свет. Встречный лесовоз тревожно просигналил. Завизжали тормоза и Холден рвануло в сторону.

Руки Джордана перебирали руль, то в одну, то в другую сторону, пока в свете фар не показался бетонный столб. На долю секунды он отпустил руль и моментально ощутил облегчение. Теперь ему не придется ехать к отцу. Он проведет эту ночь или в больнице, или, если повезет, в морге. Но тут же он вспомнил о собаке. Схватился за баранку и крутанул её с силой пока она не уперлась. Холден тащило боком. Кто-то сигналил. Мелькали огни как будто залпы ракетных выстрелов. Машина слетела с обочины, послышался хруст, собачий визг, а потом тишина.

Очнувшись, Джордан с горечью осознал, что ни руки, ни ноги он не поломал. Значит все-таки придется ехать к отцу. Что скажет Рич, когда его сына привезет на ферму долбаный эвакуатор? Вот это будет спектакль. Он выругался и яростно смял материал подушки безопасности, которая вдавила его тело в сиденье.

В салоне было тихо. Это его насторожило. — Фокси, — прохрипел он и нащупал на потолке кнопку света. Собака лежала в луже под сиденьем. *Это лужа воды*, успокаивал он себя.

— Фокси, — позвал он еще раз и нагнулся ближе.

Собака дернула ухом. Джордан потянулся к ней рукой и она подняла голову.

— Слава богу, — сказал он. — Запрыгивай. — Он указал себе на колени. Собака завиляла хвостом, тяжело вскарабкалась на сиденье и неуклюже забралась на своего хозяина. Джордан обнял её, и не разжимая рук набрал на телефоне номер эвакуатора.

Глава 7

Северный остров, Новая Зеландия

В восемь утра «Тойота» уже ехала по направлению к Веллингтону. Там они переседают на паром, переплывут пролив Кука и окажутся на Южном острове, в Пиктоне.

Трасса была четырёхполосной. Проворные водители перестраивались из одного ряда в другой, не препятствуя общему потоку, двигаясь плавно, но быстро, как течение горной реки.

Кира крепко спала на переднем сиденье.

Вчерашний вечер они провели вместе.

В уютном номере солидной гостиницы они ели пиццу и мороженое, запивая грушевым напитком L&P. Маша не жалела, что из-за девочки ей пришлось потратить часть денег, предназначенных на поиск Лиатриса. Теперь вместо двадцати восьми дней аренды катера она могла оплатить лишь двадцать четыре, но эта жертва казалась оправданной. Единственное, о чём Маша жалела, так это об обещании, данном Кире той ночью.

Но ей пришлось. Девочка ее вынудила.

Весь вчерашний вечер Машу мучил один вопрос, но она сдерживала себя, не желая портить имениннице настроение. А когда праздничный ужин подошёл к концу, она всё-таки решилась его задать.

— Кир, почему ты жила у японца?

— Станный вопрос, — сказала девочка, сжимая пустую коробку пиццы. — Почему люди обычно живут на квартирах? Почему ты там собиралась жить?

— Для меня это был дешёвый перевалочный пункт на пути в Пиктон, — ответила Маша, соскребая расплавленный сыр с тарелок. — А ты провела там не одну ночь.

— Условия были выгодные. — Кира затолкала коробку в мусорник и ополоснула руки под струёй тёплой воды. — Я убирала у него в комнате, а он не брал с меня квартплату.

Маша закрыла кран.

— Ты только убирала? Больше ничего?

— К чему ты клонишь?

— Я хочу убедиться, что Казуки не заставлял тебя делать то, чего ты не хотела.

— А если бы я этого хотела? Если бы ты узнала, что я платила за жилье добровольным минетом, ты бы меня осудила?

— Если бы я тебя осудила, то была бы ханжой, — сказала Маша и улыбнулась.

Кира улыбнулась в ответ. Она вытерла мокрые руки салфеткой и прыгнула на мягкую двуспальную кровать.

— Уже два года... — начала она, переворачиваясь на спину и уставившись в потолок, — я колесю по Новой Зеландии, переезжаю из города в город. Долго на одном месте не задерживаюсь.

— Почему? — спросила Маша, присаживаясь рядом. Белоснежный пододеяльник приятно захрустел.

— Ищу приключений.

— А где твой дом?

— У меня нет дома, — прошептала Кира, поворачиваясь на бок.

— А родители есть?

— Да.

— Где они?

— Где отец — я не знаю, а мама и отчим живут в Пиктоне.

— В Пиктоне? — удивилась Маша. — Почему ты мне раньше не сказала? Значит, ты решила вернуться домой?

— Я же сказала: у меня нет дома.

— Как это нет? — возмутилась Маша. — Дом — это там, где живут твои родители.

Выдержав паузу, Кира ответила:

— Дом — это там, где уютно и комфортно.

Маша потребовалось несколько секунд чтобы понять значение этих слов. Неужели для девочки жизнь с обезумевшим японцем была более уютной, чем жизнь с собственными родителями? Разве такое возможно?

— Ты сбежала из дома? Что случилось?

— Возьми меня с собой, — сказала девочка, придвигаясь ближе.

— Не могу...

— Думаешь, я буду тебе мешать? Ты от меня ни звука не услышишь.

— Дело не в этом...

— Я знаю Пиктон. Я много чего знаю. У меня хорошие связи, — сказала она и, не сводя с Маши глаз, дотронулась до её пальцев, которые играли с краем пододеяльника. — Машенька, ну пожалуйста.

Маша обхватила Кирину руку. Ей было приятно и в то же время обидно. Она понимала, что попала на удочку, которую сама не раз закидывала. Но в тот момент, когда она ощущала мягкую тёплую ладонь, она не переживала о последствиях. Тогда, когда девочка лежала так близко, когда она доверяла Маше, молила её о помощи, взять Киру под своё крыло казалось единственным правильным решением.

— Я не просто турист, — сказала Маша. — Я ищу сокровище.

— Какое такое сокровище? — спросила Кира, присаживаясь рядом.

— Это фамильная драгоценность отца.

— И где ты её будешь искать?

— На затонувшем теплоходе «Михаил Лермонтов».

— На «Лермонтове»? — удивилась девочка. Её лицо преобразилось, стало настоящим, живым. — Но как оно там оказалось?

— Мой отец там работал электромехаником. Он погиб в феврале восемьдесят шестого, когда корабль напоролся на скалы.

— Вот это да! — воскликнула девочка. — Ты знаешь, что нырять там ужасно опасно? Корабль лежит на тридцати метрах, в мутной и холодной воде.

— Я-то знаю, а откуда об этом знаешь ты?

— Мой сосед (точнее сосед моих родителей) — дайвер. У него больше тысячи погружений. Вам нужно обязательно познакомиться.

— Спасибо за наводку, — сказала Маша. — Но я найму опытных водолазов, они мне помогут.

— Почему ты так уверена, что сокровище всё ещё там? На «Лермонтова» опускаются десятки дайверов каждый год. Кто-то из них мог его уже найти и прикарманить.

— Если бы его нашли, это была бы сенсация.

— Почему?

Маша отсоединила свой телефон от зарядки и разблокировала экран. Пролистав несколько фоток, она открыла ту, что искала, и показала её Кире.

— Яйцо? — Кира посмотрела на неё. — Фаберже?

Маша кивнула. — Это Лиагрис.

— Офигеть! Но что, если его уже продали? Может, оно уже в каком-нибудь музее или в частной коллекции?

— Невозможно! — сказала Маша. Она открыла чат и показала Кире последнее сообщение:

Найдено упоминание: «Liatris egg» на treasurehunt.ru

Ссылка: <https://www.treasurehunting.ru/feggs/1907-lost-Eggs>

Дата: 09.12.2022

Цена: не указана

— Что это?

— Специально разработанный веб-краулер. Ищет любые упоминания об этом яйце и присылает мне информацию в виде сообщений, — сказала Маша.

Она не стала распинаться о том, что её одержимый брат стал программистом только для того, чтобы разработать этот бот. Сначала это был совсем простенький краулер, способный лишь сканировать новости. Но по мере развития своих навыков Лёвка развивал и краулер. Последняя его версия сканировала информацию в соцсетях, на частных аукционах и даже в дарквебе. — Если это яйцо появится в интернете, я об этом узнаю первая.

— Значит, ты уверена, что оно ещё под водой?

— Абсолютно.

— Мы будем искать его вместе, да? Ты же возьмёшь меня с собой?

Глава 8

Четыре полосы движения превратились сначала в две, а потом и вовсе в одну. Маша сбавила скорость, подчиняясь знаку 100. Лёвка предупреждал, что большинство дорог в этой стране узкие и извилистые, но она все равно удивилась тому, как быстро закончилась скоростная трасса. «Новая Зеландия — это большая деревня», писал ей брат. И действительно, с тех пор как они покинули Окленд, им не встретилось ни одного высокого здания. Гамильтон Сити, который остался позади, был последним напоминанием цивилизации. Впереди лишь одноэтажные постройки, коровы и овцы.

Следуя указателю «Веллингтон», Маша свернула направо — голова Киры съехала со спинки сиденья, она открыла глаза, что-то пробурчала и опять провалилась в сон. Маша тоже почувствовала, что её голова становится тяжёлой и клонится вперед. Она посмотрела на часы — было десять утра. На другом конце света, в Москве, была полночь. В ресторане «Марлин» её официанты наверняка уже готовились к закрытию. Она любила этот момент, когда кухня затихала и беготня останавливалась. Карусель мыслей о клиентах, официантах, фондю и бокалах, уступала место тихим мыслям о доме, где на маленькой кухоньке она поджарит себе простую яичницу, на мягком диване укутается в плед и включит какой-нибудь детектив. Под монотонные расследования она засыпала лучше всего.

Затарахтел проезжающий навстречу лесовоз, вытаскивая Машу из полудрема. Ей срочно нужна была инъекция кофеина. И никотина.

Заметив на обочине флажок с надписью «Food», Маша съехала с дороги и, следуя указателям, запарковалась возле запустелого одноэтажного домика. На его облупившейся стене висели выцветшие плакаты двухлетней давности, а на двери — табличка «Open». Маша зашла внутрь.

В помещении было серо и пусто. На просторной витрине лежало обветрившееся пирожное эклер и овсяное печенье. На столах, накрытых клетчатой пленкой, стояли солонки и перечницы, лежали приборы, стояли салфетницы и раздавался какой-то странный шелест. Будто рвали бумагу. Не быстро, а протяжно, без остановки.

— Доброе утро, — сказала Маша в пустоту.

В тот же миг из-за прилавка поднялась продавщица. — Чем могу помочь? — спросила она, смахивая с юбки обрывки бумаги. Её серый облик с засаленными волосами, сухим лицом и безликими глазами выглядел так же запустело, как и сама кафешка. Она выдавила из себя улыбку, но даже это вежливое выражение не сделало её лицо более привлекательным.

— Вы готовите кофе? — спросила Маша.

— Конечно, — ответила женщина и указала на черную доску позади себя с выведенными мелом названиями: Flat White, Long Black, Americano, Cappuccino.

Маша заказала двойной Long Black.

Зажужжала кофемолка. Несколько раз стукнул темпер, спрессовывая молотые зерна. Недостаточно плотно, подумалось Маше, но рожок уже клацнул в паз и кофе полилось в бумажный стаканчик. Приятный, кисловатый аромат ненадолго наполнил кафе жизнью.

Маша получила свой напиток и поспешила на улицу.

Пачка сигарет, лежавшая в кармане, оказалась пустой. Она открыла багажник и расстегнула спортивную сумку.

Позади раздался мужской голос:

— Девушка, извините.

Маша вздрогнула. Рядом с ней, уставившись в багажник, стоял смуглый парень.

— Да... — сказала она, застегивая молнию сумки и отодвигая её вглубь.

— Можно сигаретку стрелнуть? — сказал он мягким голосом, бросая взгляд на пачку Lucky Strike в её руке.

Парень выглядел как герой болливудского фильма — смуглая кожа, длинные ресницы, большие черные глаза. Густые волнистые волосы спадали на черную мотоциклетную куртку, а кожаные штаны плотно обтягивали мускулистые ляжки. Маша знала таких, как он. В ресторане они заказывали самые дорогие блюда и вина, зачастую чувствуя не только свою компанию, но и весь банкетный зал. Они хлопали официанток по попкам и оставляли обильные чаевые. Но расставались с деньгами легко не потому, что были щедры, а потому что так же легко их получали.

— Угощайся, — сказала Маша, открывая пачку.

— Продаешь? — спросил он, прикуривая.

— Нет.

— Понял, — сказал парень, выпуская дым. — Куда направляешься?

— Да тут недалеко, — сказала Маша, захлопывая багажник.

— Понял, — сказал парень и ухмыльнулся. — Счастливого пути.

— И тебе всего хорошего, — сказала Маша, запрыгивая в Тойоту.

В зеркале заднего вида она увидела, как парень надевает шлем. Он взглянул на неё через открытый визор и от этого едкого взгляда Машу обдало холодным потом. Она нажала на кнопку зажигания и, пробуксовывая на гравийной поверхности, вылетела на трассу.

— Ты чего так газуешь? — спросила Кира.

— Хочу побыстрее отсюда убраться.

Когда Кира проснулась, ехать стало веселее.

О многих поселках, через которые они проезжали, у Киры была история. В Тэ Авамуту она жила у маори, который на завтраки заваривал чай из листьев местного растения кава-кава. Кире ужасно не нравился этот терпкий и горький напиток, но она пила его через силу, боясь своим недовольством обидеть хозяина. В поселке Токороа она жила с женщиной, которая пряла пряжу на настоящей деревянной прялке, как в сказке «Спящая красавица». А пела она точь-в-точь как Адель. Через две недели песни Адель стали сильно раздражать. Вот если бы женщина пела как Билли Айлиш — тогда другое дело, тогда Кира бы осталась не неделек-другую.

На озере Таупо девочка жила на яхте пожилого профессора. Он научил ее рыбачить и доверял управлять судном. Кира еще что-то говорила о своих способностях в области судоходства, но Маша не слушала. Её внимание было приковано к мотоциклу, который уже несколько минут ехал сзади. Неужели Болливудский тип разглядел содержимое спортивной сумки и теперь преследует их?

— Маш? — выкрикнула Кира.

— Что?

— Видела или нет?

— Прости, я не расслышала вопрос, — сказала Маша, не спуская глаз с зеркала заднего вида.

— Вулканы когда-нибудь видела?

— Нет. Никогда, — сказала Маша. В этот момент мотоциклист вильнул вправо и промчался мимо. Он обогнал еще три машины и исчез из виду.

— Сейчас увидишь, — сказала Кира. — Знаменитый вулкан Руапеху.

За окном простиралась равнина, напоминающая прерии. Желтая трава росла длинными пучками. Между ними проглядывалась то ли черная почва, то ли застывшая лава, плотно окутывающая землю. А на горизонте возвышалась массивная одиночная гора, покрытая золотисто-белым снегом. Ее очертания были ровными и четкими, как будто кто-то под линейку начертил треугольник на фоне глубоко-голубого неба.

— Наверху, в кратере, есть озеро, — рассказывала Кира. — Раньше в нем можно было купаться. А после извержения (не помню в каком году — меня еще тогда не было) вода превратилась в химический коктейль. Представляешь? Состоящий из серы и еще бог знает чего. Стоишь на краю кратера и видишь эти желтые разводы — жутко. Один неверный шаг — и пшшшшш...

— Невероятно, — сказала Маша, чтобы поддержать разговор. Её сердце всё ещё колотилось, а руки скользили по рулю, оставляя влажные пятна.

— А сейчас будем проезжать военный музей, — сказала Кира, когда показался зеленый указатель Waiohuru.

— Ты и здесь жила? — спросила Маша.

— Да. Тут выпекают особые новозеландские пироги. Очень-очень вкусные. Вон там, на заправке, — указала Кира. — Заедем?

— Конечно.

Пока Кира заполняла опустошенный бак, Маша зашла в магазин.

Это было небольшое опрятное помещение. В воздухе витал аромат румяной выпечки и ненавязчивый запах жареного мяса. Под стеклом на витрине располагались порционные пироги из слоеного теста. Они выглядели аппетитно, с хрустящей бронзовой корочкой, посыпанные зеленью. Начинка была самой разнообразной: курица по-тайски, стейк с беконом и сыром, говяжий фарш с картофельным пюре, курица с сыром Бри. Хотелось попробовать все.

Кира тоже была голодна. Маша выглянула через окно на Тойоту. Девочка уже сидела внутри — в ушах наушники, глаза прикованы к экрану телефона. Что же ей купить? Картошку фри? Маффин? Пачку орешков?

Послышался гул и грохот. С заправки отъехал пикап с прицепом, забитым металлоломом. Следом за ним к бензоколонке подъехал мотоцикл.

— Вам пакет нужен? — спросил продавец.

— Да, — сказала Маша, оглядываясь на мотоцикл. Водителя уже не было. Маше стало не по себе.

— Двадцать восемь долларов и шестьдесят за бензин, — сказала продавец.

Маша перебирала деньги в кошельке: синие, зелёные, фиолетовые, оранжевые. Какие из них? Она вытащила несколько купюр, оглянулась на мотоцикл — водителя всё не было. Одна купюра выскользнула из рук. Она нагнулась, чтобы её подобрать, и в этот момент из кошелька посыпалась мелочь. Наспех собрав её, Маша бросила на прилавок девяносто долларов, схватила пакет с покупками и бросилась на улицу.

Мотоцикл завелся. Водитель покосился на неё. Из-под его шлема вырывались черные локоны, а на его плече висела спортивная сумка. Очень знакомая спортивная сумка.

— Стой! — завопила Маша.

Мотоцикл взревел и рванул с места, раскачиваясь в стороны.

Нет, этого не может быть. Это просто похожая сумка. Такая сумка наверняка есть у каждого, кто когда-либо занимался в спортзале. Она бросилась к открытому багажнику Тойоты и уставилась внутрь. Пакет с покупками выскользнул из ее рук и плюхнулся на асфальт, пироги выкатились, рассыпалась картошка фри. — Сукин сын! — прохрипела она.

— Что происходит? — спросила Кира, выскочив из машины.

— Ты же была рядом! Ты что, не видела, что он делает?

— Кто? — спросила удивленная Кира, вытаскивая из уха наушник. — Я думала, это ты... Я даже не... Что-то пропало?

— Все нафиг пропало. Все.

Глава 9

Залив Мальборо, Южный Остров, Новая Зеландия

Гром и молнии терзали небо всю прошлую ночь. Иногда гроыхало так, что бедная Фокси заползала под кровать и подвывала. Когда гром затихал, она ходила по комнате, цокая коготками, лизала Джордану пальцы, стягивала с него одеяло и делала всё, чтобы хозяин бодрствовал с нею наравне. Но Фокси была не единственной причиной, по которой он не мог спать. Стресс, который он пережил во время аварии, стыд, который он неизменно испытывал при общении с отцом, да и сам дом, в котором ему пришлось ночевать против его воли — давили и угнетали его.

От ужина он отказался. Не потому, что был не голоден, просто не хотел садиться с родителями за один стол. Он и общаться с ними перестал потому, что любой разговор заканчивался одним и тем же: укорительными ремарками отца и разочарованными вздохами матери. Он сослался на головную боль и закрылся в своей детской комнате.

Только наутро, чтобы не обижать мать, он отведал её крамбла. Был он ароматный, насыщенный, кисло-сладкий, с хрустящей корочкой, но этот вкус не вызвал в нем ни малейшего удовлетворения. Наоборот, пережевывая тесто, он испытывал досаду за то, что такой изысканный десерт оказался потрачен на него — бесчувственного лоха.

Многие вещи, которые он любил и которыми наслаждался раньше, потеряли для него вкус. Все стало однотонным и предсказуемо-одинаковым. Яркие эмоции исчезали из жизни постепенно, так же как цвета исчезают один за другим во время погружения под воду. Первым, уже на пяти метрах, исчезает красный цвет. Потом пропадает желтый. И чем ближе ко дну, тем меньше красок. На шестидесяти метрах остается лишь один цвет — сизый.

После этого визита к родителям, даже сизый цвет исчез из жизни Джордана. Осталась лишь тьма.

Ему не терпелось побыстрее убраться из этого дома. Он рискнул попросить у отца квадроцикл, чтобы добраться до флигеля, но Рич не спешил расставаться с сыном. Он приказал ему садиться на пассажирское сиденье, и Джордан бесправно подчинился.

Путь к флигелю пролегал через пастбища, колеса квада немного пробуксовывали в образовавшемся болоте. В хорошую погоду с фермы открывался вид на залив Дезолейт, но сегодня теплая земля парила, образуя густое облако, которое шапкой накрывало видневшиеся впереди скалы и, растекаясь ниже, заполняло белой дымкой черные расщелины. Джордан натянул капюшон брезентового плаща, прячась от капель.

За ревушим металлическим зверем неподвижно следили овцы. Они стояли на месте до последнего. И только когда приближение квада становилось неминуемым, они медленно отходили в сторону, останавливались и оглядывались. Удостоверившись, что от них больше ничего не требовалось, они продолжали щипать траву.

Джордан был в предвкушении увидеть флигель. После инцидента с ягнятам, этот уютный деревянный домик стал для него убежищем. Там он прятался чтобы не раздражать отца и не путаться в доме под ногами у матери.

Часто к нему присоединялись сёстры.

Девчонки были намного старше его, и относились к нему с родительской заботой. Особенно ласковой с ним была старшая сестра Луиза.

Маленький мальчик восхищался ею: её огромными глазами цвета лесного ореха, густыми тёмными волосами. Она обнимала его долго и крепко, как никогда не обнимала мать, и звала его лисёнком Джей-Ди, используя две заглавные буквы его полного имени — Джордан Даниель.

Пока их средняя сестра Никола ныряла с маской в изумрудных водах залива, Луиза ему читала. Особенно ему нравилась книга о Маленьком принце. В конце Луиза всегда тихо плакала. Джордан тоже плакал, и тогда Луиза нежно поглаживала его по макушке, приговаривая: «Всё хорошо, Джей-Ди, это просто выдуманная сказка».

Отец заглушил квадроцикл и достал связку ключей. Следом за Джорданом спрыгнула Собака и увлеченно начала обнюхивать землю.

— Извини, не успели подготовить твой пентхауз к приезду, — сказал отец, открывая входную дверь.

Раньше Джордану нравился запах внутри, когда солнце раскаляло древесину и из трещин начинала сочиться ароматная смола, пропитанная эфирными маслами местных деревьев. Но сегодня флигель пах как мокрое белье, оставленное на несколько дней в стиральной машинке.

— Мать здесь не убирала с тех пор, как заболела, — сказал отец, проводя пальцем по пыльному столу. — А после последнего землетрясения лопнула труба. — Он открыл

кран, из него посыпалась ржавчина. — Так что воду тебе придется набирать из бака.

— А это что? — спросил Джордан, указывая на окна, заколоченные фанерой.

— Во время локдауна здесь бомжи поселились, — объяснил Рич. — Пришлось принять меры. — Он сунул ключи Джордану и сказал: — К ужину чтобы был дома.

Типичный разговор отца, подумал Джордан. Почему он не мог сказать что-то вроде: «Сынок, если проголодаешься, знай, что двери нашего дома всегда открыты». Нет же, ему нужно было это сказать так, чтобы показать Джордану, где его место и кто главный.

— Я поужинаю тут. Сплаваю на моторке в город за...

— Слушай сюда, — перебил его отец. Он подошел к Джордану очень близко, и хоть был он на голову ниже своего сына, это не мешало ему выглядеть устрашающе. — После ковида мать днями напролет в кровати лежала. У неё сил хватало только, чтобы газету в руках держать или спицы. А вчера она приготовила тебе крамбл. КРАМБЛ, чёрт бы его

побрал! Для сына своего блудного. Будешь ходить к нам на ужин, пока мать на ноги не поставишь.

Выходя, он добавил: — И сбрей эти чертовы патлы, выглядишь как немытая баба.

Когда мотор квада взревел, Джордан стянул свой плащ и с размаху швырнул его об пол. На поток его матов ответила лишь Фокси. Она забежала в дом, прошлась грязными лапами по плащу и села напротив хозяина.

— До чего мы дожились, — сказал он, поглаживая Собаку по макушке. Он присел на деревянную кровать, на которой лежал тонкий матрас, обтянутый пленкой. Из-под него выскользнула ящерица-сцинк, она заметалась в поисках убежища, а потом изящно сползла под кровать. За ней тут же ринулась Фокси.

— Нет! — приказал Джордан собаке. Та послушно осталась на месте, но её взгляд ещё долго был прикован к углу, в котором скрылась ящерица.

Джордан прилёг, и его взгляд упал на надпись, которую его средняя сестра Никола вырезала в деревянной балке незадолго до своего отъезда.

В тот день они валялись здесь, на этой кровати, на этом же матрасе. Во флигеле было жарко. Полуденное солнце светило через окно и ложилось полосками света на рыжие стены, а дальше — на гладкие ноги Николы. Джордан всматривался в пятна этого света как загипнотизированный, когда Никола призналась, что поступила в университет и скоро улетит в Англию. Его покидала вторая сестра. Он повернулся к ней. Её глаза сверкали, как два отполированных сапфира, брови выгорели и стали похожими на колосья пшеницы, а волосы, такого же пшеничного цвета, были спутанными и слипшимися от солёной воды. Она откинула их назад и прижала брата к себе. Джордан уткнулся лбом в её грудь.

Где-то далеко переливались тонкими голосами птицы, а вблизи слышалось её ровное, уютное дыхание. Её кожа пахла морским ветром.

— Останься, — прошептал он.

Никола выдохнула и вскочила с кровати.

— Не грусти, Джей-Ди, — сказала она, широко улыбаясь. — Пока я здесь, мы будем вместе наслаждаться каждым днём. — Она достала из кухонного ящика нож и сказала: — Это будет наше лето! И ты запомнишь его навсегда. Смотри. — На деревянной балке, соединяющей нижнюю кровать с верхней, Никола стала вытачивать надпись.

Джордан провёл подушечками пальцев по вырезанному солнцу. Внутри — две буквы: D + N.

Тем летом сестра показала ему то, что стало смыслом его жизни.

Она открыла для него подводный мир.

Джордан не сразу согласился надеть маску и заглянуть под гладкое покрывало моря. Ему это казалось нудным. Ну что такого интересного может быть под водой? Песок, камни, парочка рыб. Джордану больше нравилось погружаться в книги, где всегда ждал какой-то душещипательный сюжетный поворот. Но Никола настояла. Она сказала верить ей, сказала, что ему понравится, что он не пожалеет. И Джордан поверил.

Вместе они доплыли до торчащих из воды скал. Никола помогла брату надеть маску с розовой трубкой, которая досталась ему от Луизы, убрала со лба его волосы и сказала: — Джей-Ди, только обещай никому никогда не рассказывать об этом месте. Если кто-то узнает, они его уничтожат.

Джордану стало невероятно интересно, у него даже дыхание сбилось. Никола досчитала до трех, и одновременно они погрузили свои лица в воду.

Под водой оказался сад. Ярко-зеленые на фоне золотого песка водоросли купались в лучах приглушенного толщей воды солнца. Водоросли достигали нескольких метров в длину, и некоторые были так близко к поверхности, что можно было до них дотронуться. В унисон они колыхались, поддаваясь прибою, создавая немыслимое умиротворение. В толще воды сновали серебристые рыбки, а те, что лежали на дне, были как из фантастического кино: их тельца были ярко-красными, а голубые плавники напоминали крылья тропических бабочек.

Этот мир был куда круче книжек. С ним можно было взаимодействовать, к нему можно было буквально прикоснуться. Этот мир был таким же волшебным, как истории, которые он читал, но, погружаясь под воду, Джордан сам становился героем и создавал свою сказку.

Под водой он забывал обо всём — о жестокости фермы, об отъезде Луизы и о грядущем расставании с Николой.

Ему нравилось изучать поведение рыб. Они были как люди: одни его игнорировали, другие проявляли неподдельный интерес, подплывали очень близко, смотрели на него через маску, пощипывали его кожу. Желание узнать этих морских обитателей перевернуло представление Джордана о книгах — из источника эмоций они превратились в источник знаний. Он изучал подводный мир, проводя там все больше и больше времени, пока отец не положил этому конец. Флигель стали сдавать туристам, и мальчику запретили там появляться, чтобы не тревожить отдыхающих.

Глава 10

Waioaru, Северный Остров, Новая Зеландия

Несмотря на то что офис полиции обдувал кондиционер, Маше было душно. Ледяной воздух вырывался из-под забрала, которое то спускалось вниз, то поднималось обратно вверх. Вниз-вверх, вниз-вверх. Почему нельзя было его направить прямо? К чему эти лишние движения? Еще и Кира, не прекращая, ерзала на стуле, который скрипел искусственной кожей под ее ногами. Это она вызвала копов, пока Маша сначала требовала, а потом упрасивала продавца заправки показать ей видео с камер наблюдения.

А зачем ей это видео? Ведь и так было ясно, что случилось. Но Маша отказывалась верить. Сумки в багажнике не было, но это не означало, что её украли. Может быть, Маша забыла ее в отеле Окленда? Наверняка её содержимое в целости и сохранности ожидает её в том роскошном номере? Нет, это вздор. Из этой сумки она вытащила пачку сигарет на парковке запустелого магазина.

Офицер Джонни Эванс, мускулистый молодой парень с татуировкой на всю левую руку, приехал через несколько минут после вызова. На нем была голубая рубашка с коротким рукавом и темно-синий бронежилет с множеством карманов. Из кобуры торчал желтый шокер.

С широкой улыбкой он поприветствовал продавца, который по совместительству оказался владельцем заправки. Просматривая видео с камер наблюдения, офицер задавал мужчине вопросы. Но допрос был не о случившейся краже. Эванс расспрашивал продавца об успехах его сына в школе, о здоровье его отца. И ох, как давно они не виделись, и эх, может быть, на следующих выходных Джонни заскочит к ним на барбекю.

Закончив разговор, продавец и полицейский пожали друг другу руки, а Машу и Киру отвезли в участок.

— Вы его знаете? — спросил офицер, показывая скриншот у себя на телефоне.

Как сквозь туман, Маша смотрела на парня в шлеме, шагающего к её машине. Ей хотелось попасть в этот кадр и предотвратить случившееся. Почему она не послушалась своей интуиции? Почему не выбежала из магазина раньше?

— Кажется, — сказала она. В горле скопилась слюна, и она откашлялась. — Я его видела на парковке возле кафешки. Не знаю где... такое старое здание с облупившейся краской и зеленым флажком.

— Хорошо, про кафе я понял, а парня вы можете описать?

— Темный, скорее всего индус, лет тридцати, с длинными волнистыми волосами.

Офицер сделал записи в бланке. — Что было в сумке?

Что было в сумке, повторила про себя Маша. Врать или говорить правду?

— Сигареты, — ответила она.

— Табак?

Маша кивнула. — И наличка, — добавила она, обливаясь потом. Ей нужны были эти деньги, чтобы заплатить за катер и водолазов. Без денег вся поездка теряла смысл.

— Сколько?

— Сорок семь тысяч, или около того, — сказала Маша.

Кирино кресло перестало скрипеть, девочка уставилась на свою попутчицу чужим, окаменелым взглядом.

— В какой валюте?

— Американские доллары.

— Декларация о ввозе имеется? — спросил он.

Маша была слишком напугана, чтобы играть, слишком расстроена, чтобы врать. Нет, у неё не было декларации. Нет, у неё не было документов, подтверждающих поступление денег на банковский счет. Нет, она не делала ничего осудительного, чтобы заработать эти деньги. Почти ничего. Хотя нет. То, что она делала, чтобы собрать эту наличку, было осудительным. А может быть, даже криминальным. Но ей нужны были деньги, а им нужна была близость. Это была честная транзакция. Может быть, она нарушала законы России, но Маше не было стыдно. Деньги были лишь выражением благодарности их одиноких сердец. В какой графе декларации она должна была это написать?

— Нет, — сказала она. — Это проблема?

Джонни пристально посмотрел на неё. — Это проблема таможенной службы, — сказал он. — Моя проблема — найти украденное и наказать преступника. Сколько вы ещё будете в стране?

— Двадцать восемь дней, — ответила Маша.

— Куда держите путь?

— В Пиктон, — ответила она и подумала, что без денег ехать в Пиктон не было смысла. Может, остаться здесь и ждать, пока копы найдут сумку?

— Хорошо, ваши контакты у меня есть, — сказал офицер Эванс и встал. — Если появятся новости, мы вам сообщим.

Если появятся новости... Если...

Маша всеми силами пыталась проснуться. Вывраться из этого кошмара. Оказаться там, где все было хорошо. В Москве десять лет назад. В какое-нибудь утро понедельника. Понедельник был её единственным выходным. Она садилась на широкий подоконник с чашкой кофе в руках. Прислонившись щекой к холодному окну, она наблюдала, как маленькие фигурки людей спешили в метро и на автобусы, а она, закутавшись в махровый халат, думала о том, какая она счастливая, что ей некуда спешить.

— Через двенадцать километров направо есть хороший мотель, — сказал офицер, открывая двери. — Скажите, что вы от Джонни, вас пристроят и накормят.

Офицер проводил их до машины. — Мне жаль, — сказал он и протянул Маше визитку.

Той ночью Маша долго не могла заснуть. Она лежала на спине и туго сжимала края одеяла, даже не замечая того, что под её ногтями рвется накрахмаленная ткань. Она проиграла. Она опять подвела брата. Дело, которое он начал, навсегда останется незаконченным. И ничто... и никто не сможет оправдать его смерть.

— Маш, ты плачешь? — прошептала девочка.

Маша вытерла мокрые потоки, стекавшие по вискам. Ей стоило сказать, что она не плачет, что это аллергия на перьевую подушку, но её сердце хотело говорить. Как никогда ей захотелось поделиться воспоминаниями о Лёвке, воскресить в памяти чувство последней любви. После него ей уже некого было любить. Никого не осталось.

— Я обязана найти Лиатрис... Ради брата.

— У тебя есть брат?

— Был.

Глава 11

Лёвке с детства не везло.

Он не знал своего отца, потому что родился после его смерти. Мать он потерял рано. А когда из жизни ушла бабушка, ему было четырнадцать. О двух несовершеннолетних, живущих самостоятельно в доме покойной Анны Митрофановны, быстренько накапали властям. За ними пришла серьезная тётенька на каблуках, в серой юбке до колен, с жемчугом на шее и челкой на восток.

Маша тогда только поступила в торгово-экономический техникум, и ей разрешили остаться. А Левку уборочный комбайн госсистемы не пощадил. Маша умоляла не забирать его. Она клялась, что сможет его воспитать. Но для серьезных тётек из органов опеки шестнадцатилетняя Мария Орлова была таким же ребенком, как и её брат.

— Когда стукнет восемнадцать, тогда и приходи за ним. А сейчас — посторонись, — сказала тётенька, вытягивая брата во двор.

Чтобы насобирать достаточно денег и забрать Левку, Маша устроилась в ресторан. Там богатые мужчины никогда не скупилась на чаевые, а Машина стройная фигура вызывала в них желание, которое они частично утоляли, засыпая её наличкой. Ей было все равно, дают ли они ей деньги за хороший сервис или за удачное воплощение генов, тесно сжатое фартуком, — ей лишь хотелось убраться из ветхой избы и снять однушку возле метро для них с братом.

Спустя два года, три месяца и семь дней, Маша накопила нужные средства на полугодовую аренду, подписала официальные бумаги на опекунство брата и, невероятно счастливая, пришла его забирать.

Левка не бросился в её объятия — надувшись, он прошел мимо, волоча за собой сумку. Первое время он не разговаривал с ней. Это молчание в троллейбусе, потом в метро, потом через переход на площадь и во двор сводило её с ума. В голове крутились все возможные причины, по которым брат мог на неё обижаться: она опоздала на три месяца и семь дней. Уйдя с головой в учебу и работу, она не находила времени его навещать. Эти причины были понятны, и их было легко исправить простым извинением, но что, если его обида была более глубокой и сложной? Может, в детском доме у него остался друг, а может, подруга?

В квартиру Лёвка забежал с разгона и бросился на диван лицом вниз. Он ревел в течение часа, всей душой и телом. Маша пыталась его успокоить, погладить его по затылку, но он уворачивался и бормотал: «отстань».

На душе у нее было паршиво, и заснуть она никак не могла. Только когда в три часа ночи Лёвка залез к ней в кровать, скрутился тугим комочком и прижался к ней, как бездомный щенок, она поняла, что брат её простил.

Следующим утром Левка распаковывал сумку и аккуратно складывал одежду на выделенную полку в шкафу. А когда все вещи были разложены, он достал прозрачную пластиковую папку для документов. В ней — ксерокопия газетной статьи, проиллюстрированная цветной фотографией. На первом плане снимка были изображены двое мужчин в одинаковых тёмно-синих рабочих комбинезонах. Мужчина слева был в очках, с густой бородой. На его плече лежала рука другого мужчины, помоложе, с аккуратно уложенными на косой пробор тёмными волосами и раскосыми карими глазами. Оба широко улыбались. Справа, в мягком бежевом кресле, сидела женщина, одетая в короткое коктейльное платье. Как полагалось по моде тех времен, у неё была пышная химка на голове, а лицо было вытянутое, как морда лошади.

Подпись гласила: «From left: Chief Engineer Vladislav Konovalov, Ship's Electrician Maxim Orlov and Glenis McAlister. MS Lermontov, 10 February 1986».

Маша улыбнулась: — Я не видела этой фотографии. Думаешь, это папина каюта?

— Уверен, — сказал Лёвка и ткнул пальцем в угол фотографии. — Видишь это? Что это, по-твоему?

Маша всматривалась в овальный предмет необычного лилового цвета, стоявший на трюмо сбоку. — Не может быть! Лиатрис?

— Он самый! — с гордостью сказал Лёвка.

— Значит, отец забрал его с собой. А мы искали его дома.

— Знаешь, а я продолжал его искать до самой маминой смерти. Все надеялся, что найду его, продам и спасу её. Вот таким был дураком наивным.

— Ты не был дураком, — сказала Маша, поглаживая его по плечу. — Ты был тогда совсем маленьким.

— А теперь я вырос! — сказал он. — Теперь я точно его отыщу.

Поначалу Маша думала, что в Лёвке сыграл юношеский максимализм и что этот запал долго не продержится. Какое-то время ей даже казалось, что она права. Лёвка хорошо закончил девятый класс, поступил в техникум на информационные технологии. Устроился на работу, начал писать приложения для телефонов, стал снимать квартиру в центре Москвы. У него были друзья, девушки, вечеринки. Но, как оказалось, все это время он думал о сокровище отца и планировал погружение на «Лермонтов».

Глава 12

Waioaru, Северный Остров, Новая Зеландия

Проснувшись, Маша не могла сообразить, где находится. Вокруг было темно, и лишь тонкая полоска оранжевого света, пробивающаяся из-под плотной шторы, упорно пыталась разрушить её сонную иллюзию. Маше чудилось, что рядом, прижавшись к ней спиной, спит Лёвка. И было так хорошо, приятно и легко. Но это чувство беззаботности продлилось лишь несколько секунд. Лёгкий ветерок пробился сквозь щели одинарного остекления и приподнял занавеску — безжалостный свет, разрезая темноту, лег на ярко-рыжую копну волос. Машу накрыло волной тяжелой правды — это не Левка, его больше нет. Она одна в чужой стране, она окончательно потеряла контроль.

Голова была свинцовая, а мысли вязкие и липкие.

Даже когда вскочила Кира и распахнула окно, Маша смотрела на все как сквозь пыльную гардину. Она проверила телефон — сообщений от полиции не было.

— Поднимайся, — сказала Кира, натягивая штаны. — А то паром уйдет без нас.

— Думаю, мне стоит остаться.

— Как?

— Ехать в Пиктон без денег нет смысла, буду...

— Господи Иисусе! — перебила её Кира и театрально закрыла лицо руками. — Ты втолкешь себе когда-нибудь, что всё можно проверить без денег.

Кира уже не раз упоминала «прокаченного дайвера», который жил по соседству с её родителями в Пиктоне. — Он поможет. Он всегда мне помогал, — убеждала девочка. Она надела обруч с рожками и взглянула на свое отражение в стеклянной дверце микроволновки. — Он очень-очень классный — настоящий спец. И такой добрый.

Кира преображалась, когда говорила о своем друге. Она как будто исчезала из этого мира и переносилась в свои воспоминания или мечты, туда, где этот парень был с ней рядом.

Эти свежие, с ноткой пикантности и загадочности, чувства заинтриговали Машу. Она нажала кнопку электрического чайника и спросила: — И давно ты влюблена в своего дайвера?

— Куда мне. — Кира залезла с ногами на стул, положила подбородок на колени и пробубнила: — Ему подходят только красивые. Стройные, с такими глазами... ресницами... пони-маешь?

— Наверняка ты ему нравишься, если он «всегда тебе помогал», — сказала Маша, пытаясь раскрыть пакетик растворимого кофе.

— Он мне как друг помогал, — сказала Кира, а потом мечтательно добавила, прикрывая глаза: — Он такой высокий, сильный, широкоплечий. С длинными светлыми волосами, как этот... как...

— Зевс? — попыталась угадать Маша. Она наконец-то нашла надрезанный краешек пакетика и засыпала кофе в чашку.

— Какой еще Зевс? Я хотела сказать, как Аквамен, только без бороды и усов. — Кира с хрустом отломил от блистера сливок одну коробочку и залпом выпила её.

Сравнение с Акваменом не помогло Маше представить, как выглядел дайвер, и было это ни к чему. Высокий или низкий, блондин или брюнет — что-то в этом парне Машу настораживало. И чем больше девочка о нём говорила, тем более неприятным он ей казался. Маша предположила, что такое отторжение могло быть вызвано подсознательной ревностью. Но, внимательно поразмыслив об этом, попивая горячий кофе со сливками, она пришла к выводу, что ревность тут ни при чем, и даже сам парень не был причиной неприязни. Машу настораживала

Кирина слепая любовь. Уж слишком он был хороший, слишком добрый, слишком совершенный. Скоро увидим, что из себя представляет этот Аквамен.

Паром под названием «Interislander» представлял собой огромный, многопалубный корабль. На нижней палубе располагался отсек для транспортных средств, а на верхних палубах были кафе, кинотеатры, каюты и смотровые площадки.

По специальному мостику Маша заехала на нижнюю палубу и, следуя командам регулировщика движения, припарковала Тойоту за красным Suzuki Swift. Мужчина в ярком оранжевом костюме попросил её затянуть ручной тормоз. Маша так и сделала. Они вышли из машины и по лестнице поднялись на пассажирскую палубу.

Наверху было светло и просторно. Пассажиры уже расположились на мягких диванчиках. Несколько человек стояли в очереди за кофе. Между рядами сидений, перепрыгивая через сумки, носились дети.

Корабль просигналил и начал медленно отчаливать.

— Смотри, — выкрикнула Кира, указывая на постер у дверей кинотеатра. — Показывают «Вонка и шоколадная фабрика». Пойдем посмотреть?

Маша хотела согласиться, но тут же поняла, что не сможет находиться в замкнутом пространстве, пока паром проплывал там, где на теплоходе «Михаил Лермонтов» ходил её отец. Его глаза созерцали то, что сейчас могла увидеть она. Впервые за столько лет у нее появилась возможность стать частью папиного мира. Понять его глубже, сближаясь с тем, что он любил.

Она оставила Киру смотреть фильм, а сама направилась на открытую палубу.

С трудом открыв массивную дверь, она вышла наружу. Её волосы взвились вверх, а потом с двух сторон окружили лицо и стали цепляться за нос и путаться в ресницах. Она повернулась навстречу ветру и наклонилась через перила. Из-под корабля вырывалась бурная белая пена. Вода была сизого цвета, под стать суровому, низкому небу. Волны с высоты палубы казались небольшими, но их сила ощущалась в монотонном колебании корабля. Даже такое прочное судно, которое перевозило десятки машин и грузовиков, казалось лишь хрупкой спичкой, уповающей на милосердие морской стихии.

— Жаль, что не видно радуги, — сказал мужчина, который так же, как и Маша, перегнувшись через перила, смотрел на волны.

Сначала Маша подумала, что он обращается к ней, но, посмотрев в его сторону, заметила мальчика лет шести, который обеими руками держался за папину ладонь.

— Папа, ты глупый, — засмеялся мальчик. — Почему ты вниз смотришь? Радуга в небе.

Мужчина посмотрел на сынишку и, приподнимая брови, как бы от восторга, спросил: — А хочешь секрет?

Мальчик бодро закивал.

— В солнечный день радуга любит спускаться с неба и кататься на волнах.

Мальчик опять засмеялся. — Ну ты, папа, и сказочник. Такого не бывает. — Сынишка хотел казаться взрослым, но его глаза бесстыдно выдавали жажду веры в чудо. Он очень надеялся, что папины слова окажутся правдой.

— Когда-нибудь нам обязательно повезет, и мы это увидим. Обещаю. — Мужчина улыбнулся какой-то особенной улыбкой. Сладко-доброй, безвозмездной. Как будто улыбались не только мышцы его лица, а всё его естество.

Маше стало любопытно, улыбался ли её отец так же искренне, когда смотрел на неё. Наверняка улыбался. Может быть, он так же крепко держал её руку и рассказывал сказки. Может быть, они гуляли в парке или у реки. Может быть, они видели радугу. Только Маша этого совсем не помнила. И не было никого, кто мог бы разделить с ней её детство, вложить ей в голову воспоминания.

Тяжело хлопнула дверь, и на палубу вышла Кира. — Я тебя обыскалась, — сказала она и сунула Маше тёплый стакан кофе.

— Как фильм? — Маша отхлебнула и, вопросительно посмотрев на Киру, сказала: — Это не кофе.

— Прости, это все Вонка, — она протянула Маше откусанный батончик Whittaker's.

— Шоколад с шоколадом? А попа не слипнется?

— Жуй и не жалуйся.

Они сели на влажную лавку близко друг к другу. Кирино тело было все еще горячим, и Маша прижалась к ней плечом.

На горизонте показалась земля.

— Приехали? — спросила Маша.

— Еще нет. Заходим в залив Мальборо, — ответила Кира. — Сейчас будем проходить между островами.

Паром вошел в узкий канал, и его окружили холмы, возвышающиеся прямо из воды. Кое-где обрывистые берега оголяли рыжую глину, в других местах холмы до самого пика были покрыты сочной растительностью. Кое-где виднелись дикие пляжи. Их песок был таким желтым, что даже в этот пасмурный день он сиял как солнце, делая воду бирюзовой, а растительность изумрудной.

— Сейчас я тебе что-то покажу, — сказала Кира и подбежала к перилам. Ее волосы стали беспорядочно развеиваться. Она заправила их за обруч и затянула резинкой в низкий хвост.

Маша тоже подошла к краю. Здесь, в заливе, берега как будто обуздали могучий океан, и он успокоился, стал податливым и даже приветливым.

— Вот чёрт! Где же он? — говорила Кира, вглядываясь в глинистые берега, верхушки которых покрывали древовидные папоротники и пальмы. — Тут всё выглядит одинаково.

— На что мы смотрим? — спросила Маша.

— Он должен быть где-то здесь, — сказала Кира, пристально разглядывая проплывающие мимо холмы.

— Что ты ищешь?

— Вон он! — закричала Кира. — Проехали уже. Вон, сзади остался.

Маша посмотрела туда, куда указывал Кирина палец.

— Домик. Видишь? С коричневой крышей.

Да, теперь Маша увидела. На верхушке скалы, над маленьким безлюдным пляжем, утопая в зелени, виднелась коричневая крыша. Она увидела её лишь на секунду, а потом другой холм перекрыл видимость.

— Ты там жила?

— Да, во время первого локдауна. Это заброшенная хижина. Я тогда так сильно похудела. Была вот как ты. Правда. А потом, когда в Waiohу переехала, опять растолстела.

— Пироги?

— Ага...

— Жаль, что я их так и не попробовала.

Глава 13

Залив Дезолейт, Южный Остров, Новая Зеландия

Собака лежала, скрутившись калачиком под столом. Она не спала, оголяя белок своего глаза, она смотрела на хозяина, который допивал уже третью рюмку водки.

Оглядываясь на свою жизнь, Джордан видел только провалы. Всё, что он любил и чем искренне интересовался, ни на йоту не удовлетворяло отца и лишь вызывало в нём раздражение. Рич хотел видеть в Джордане настоящего мужчину, готового проливать кровь. А Джордан был воспитан двумя девочками, и, по словам его отца, сам стал бабой.

— Я не скрываю, что твоё воспитание мы провалили, — говорил отец сегодня за ужином. — Нужно было тебя за уши на ферму таскать, а у меня времени не было за тобой бегать. И что из тебя выросло?

— Прекрати, Ричи, — сказала мать, подливая сок в стакан сына.

— Чего прекрати? — сказал Рич, зачерпывая ложкой соус. — Глянь на него — мясом он запикивается, а ягнят ему жалко стало.

Джордан перестал жевать и посмотрел на мать.

— Мам, тут что, мясо?

— Нет-нет, я же помню, сынок. Кушай, — она сняла фартук и села за стол.

— Я тебе говорил, что нужно нормальную работу найти, а не плескаться с дельфинами, — продолжал отец. — Посмотри, до чего ты докатился.

— При чем тут дельфины?

— Да при том. Тебе же сороковник маячит на горизонте, а чего ты в этой жизни добился? Работы у тебя нет, дома нет. Жену (прекрасную, кстати, девушку, я всегда знал, что ты её недо-стоин) довел до того, что она тебя выперла. Машину даже умудрился расхуячить. Да возьми даже самое простое — то, что нормальному мужику стоит одного переписа, ты и то не осилил.

Тут Джордан уже не мог себя сдерживать. В этой последней фразе заключалась вся суть Рича как отца. Для него дети были не больше не меньше, чем побочным продуктом переписа, с которым нужно было мириться. И чем меньше они крутились под ногами, тем ценнее были. С девочек на ферме толку было мало, поэтому он и не пытался их воспитывать; из его единственного сына помощник тоже не вышел. Поэтому все взаимодействия отца и детей сводились к паре фраз за ужином и паре выволочек по выходным.

— А чего ТЫ добился? — выпалил Джордан. — У тебя трое детей, и все они тебя нена-видят.

— Вздор.

— Разуй глаза. Почему ты думаешь, они забрались так далеко? Одна в Англии, другая в Австралии. Они же от тебя бежали.

— Сынок, ты что, — вмешалась мать, — нельзя же так с отцом.

— Слушай, — сказал Рич, — я не знаю, что ты там себе напридумывал. С Николой я разговариваю каждую субботу, она даже твоей матери так часто не звонит. А Луиза приезжает в этом году на Пасху с детьми, и я их везу на рыбалку. А когда ТЫ последний раз с сёстрами общался?

Джордан был в ступоре. Он не мог поверить, что Рич говорил правду. Действительно, с сёстрами он не общался несколько лет (если не считать редких сообщений), но неужели за это время их отношение к отцу могло так измениться? Значит, он один продолжал его ненавидеть. А ведь их отношения почти наладились, когда Джордан стал встречаться с Кейти. Отец её действительно уважал.

Джордан с ней познакомился на юбилее Рича. Отмечали его в ресторане Oxley's в Пиктоне. Отец пригласил всех своих друзей из Федерации фермеров. Кейти пришла со своим отцом, который возглавлял ту самую Федерацию.

Она была заметно младше Джордана. В коротком серебристом платье, на каблуках. На глазах — черная тушь, на губах — яркая помада. Не часто ему встречались такие девушки. Местные барышни были простыми, натуральными, сильно не заморачивались, чтобы заполучить мужское внимание. На их фоне Кейти, с её тонкими, стройными ножками и аккуратно уложенными волосами, выглядела как Афродита.

Несомненно, Джордан был влюблен. В такую девушку невозможно было не влюбиться. Но любил ли он её по-настоящему? Или он женился на ней исключительно, чтобы удовлетворить отца и получить его одобрение, кое было получено незамедлительно?

Когда Рич узнал, что его сын встречается с дочкой главы Федерации, он поперхнулся слюной и разодрал горло кашлем. Поначалу он был уверен, что пара быстро разбежится, но когда через год они объявили о свадьбе, Ричу пришлось признать, что его пацан не такой уж и пропащий, раз отхватил себе такую девчонку. Его отношение к Джордану изменилось. Он стал общаться с ним на равных. Особенно в присутствии Кейти. Похлопывал его по плечу, как старый добрый друг, смеялся над его шутками, поддакивал его историям.

Джордан знал, что все это напускное уважение отца он не заслужил. Но даже зная это, ему всё равно было приятно слышать, как холодный голос Рича теплел и обретал тон заботливого отца из семейной мелодрамы. Он думал, что, если отец будет притворяться достаточно долго, в конце концов он действительно зауважает своего сына.

Трепетно оберегая эту надежду, Джордан вцепился в свою жену, как колючка в собачью шерсть.

Кейти...

Она была достойной, доброй, прекрасной, но она была дочкой главы Федерации. Все её мысли крутились вокруг одной темы — защита интересов фермеров. Она обращалась в парламент, требуя инвестиций в проекты водоснабжения, объясняла министрам, как экологические нормы усложняют фермерский труд, выступала на конференциях с докладами о приватизации земель. Она стремилась к политической верхушке, а Джордану все больше нравилось на океаническом дне.

Вот на дне он и оказался.

Он налил себе еще водки и выпил залпом.

За бутылкой ему пришлось плыть на моторке, которую отдал ему отец после ужина. Однако лодку он взял не для покупки спирта — ему нужна была веревка. А грузы он собирался вытащить из карманов утяжелительного пояса.

Поспешно взяв моток со стеллажа, он подошел к кассе, и только когда улыбчивая кассирша спросила его о планах на вечер, он осознал, что сегодня ещё не конец. Он не мог так поступить с Фокси. Нужно было её сначала пристроить.

Джордан извинился перед кассиршей, вернулся в магазин и взял две большие пачки корма. Дабы пережить ночь, он заскочил в магазин напротив за бутылкой Smirnoff. Утром он собирался отдать собаку родителям.

Глава 14

Пиктон, Южный Остров, Новая Зеландия

Паром причалил, и в толпе пассажиров девушки спустились на нижнюю палубу к своей Тойоте. Когда запаркованный перед ними автомобиль тронулся, они выехали по мостику на улицу.

Кира хорошо знала Пиктон. Не нуждаясь в указаниях навигатора, она направляла Машу то влево, то вправо, всё дальше от порта, туда, где жил ее друг-дайвер.

Городок был миниатюрным: узенькие улочки, низкие домики. Заборов между участками не было, не было и ворот. Всё выглядело в точности так, как на той улице, где жил Казуки.

— Вот он, слева, — тихо сказала Кира. Она сползла вниз по спинке сиденья и шёпотом добавила: — Номер шесть.

Дом дайвера был облицован темно-красным кирпичом, этим он отличался от остальных домов на улице, которые были выкрашены в светлые тона.

Маша остановила Тойоту и выключила двигатель. Во дворе дома номер шесть поскрипывала бельевая сушиллка. На ней колыхались кислотно-зеленые футболки и ярко-оранжевые жилеты. На подъезде к дому стоял белый минивэн. Из его кузова выскочил крепкий, русский парень, одетый в футболку, идентичную той, что висела на сушилке.

Так вот ты какой, Аквамен, подумала Маша. Ей он больше напомнил Тарзана своей несурзной громоздкостью и каким-то примитивным выражением лица. А его пояс для инструментов, пристегнутый поверх коротких шорт, походил на набедренную повязку.

Тихо, как кошка, Кира вышла из Тойоты. Маша подумала, что она бросится своему другу на шею, но она шла не спеша, будто подкрадывалась к чему-то запретному. Парень, не обращая внимания на девочку, схватил два ведра краски и залез обратно в кузов.

Кира остановилась рядом с открытой дверью. Она заправила волосы за обруч и, не зная, что делать с руками, сложила их за спину.

— Калёб, — тихо позвала она.

Парень резко высунулся. Сначала его реакция была сдержанной. Но когда он осознал, кто стоит перед ним, его лицо расплылось в улыбке, и со словами: «Привет, незнакомка», — он прижал ее к себе.

Калёб жил на первом этаже родительского дома.

— Раньше тут был гараж, помнишь? — обратился он к Кире. — А теперь — моя берлога. — Он расстегнул пояс для инструментов и бросил его у порога. — Можете не разуваться, — сказал он, приглашая девушек в дом.

Внутри стоял запах краски, хотя уже и не насыщенный, смешанный с запахом кофе, индийскими специями и мужским дезодорантом. Девушки расположились на диване. Калёб убрал с журнального стола чертежи и предложил гостям чай.

— Белый? — уточнил он, когда чайник уже бурлил.

Как в лучших ресторанах Москвы, подумала Маша и согласилась.

Калёб поставил на стол три чашки, налитые до краев. Маша заглянула в свою и усмехнулась. Ну, конечно! Как она могла подумать, что ей подадут изысканный белый чай слабой ферментации. В кружке был всего-навсего черный чай с молоком. И что еще хуже, в этой серо-белой жидкости, как поплавок, плавал пакетик. Вытащить его не представлялось возможности, так как к нему не прикреплялась верёвочка, а ложка не прилагалась. Калёба это не смущало. Он плюхнулся в кресло напротив и громко отхлебнул.

Кира не сводила с него глаз. Она не замечала ни противного сёрбанья, ни надменного вида. Смотря на парня, она видела своего героя — Аквамена.

— Где тебя носило все это время? — спросил Кaleb, облокотившись массивной рукой на деревянный подлокотник, который протяжно заскрипел под его весом. — После того как ты уехала, ко мне копы повадились. Думали, я тебя прячу. Прикинь?

— Прости, — сказала Кира, опустив глаза в чашку.

— Да не парься, чувак! — улыбнулся Кaleb. — Я рад, что ты вернулась домой.

— Я не вернулась домой, — сказала Кира. — Я тут из-за тебя.

Кaleb на мгновение замер. Маша заметила, как непроизвольно дернулся его указательный палец на той руке, что свисала с подлокотника.

— Мы ищем сокровище, — уточнила Кира.

Кaleb резко ожил. — Слушаю, — сказал он, подавшись немного вперед.

И Кира стала рассказывать.

Она поведала ему о том, как они с Машей познакомились, и о том, как она спасла её жизнь. А Маша без подробностей рассказала о своем отце, брате и затерянной семейной ценности и о том, как у неё украли деньги.

Кaleb внимательно слушал. Его лоб морщился, а взгляд становился более глубоким. Изредка он с понимающим видом кивал и поддакивал. Но когда под конец рассказа Кира попросила Калеба о помощи, всё его тело напряглось.

Он перевел взгляд на Машу и несколько секунд молча всматривался в неё. Потом он нагнулся и, оперев локти о колени, спросил: — Сколько у тебя погружений?

Первой реакцией Маши было соврать, приукрасить свой опыт. Но она не стала, уж слишком серьёзным выглядел парень.

— Пять, — ответила она.

— Всего? — уставилась на неё Кира.

— Смею предположить, — пафосно констатировал Кaleb, откидываясь обратно на спинку кресла, — что как минимум два из них были в бассейне.

Маша неуверенно кивнула.

— На Лермонтове все покрыто илом, — продолжил Кaleb. — Одно неправильное движение ластами, резкое движение рукой — и весь этот ил поднимается, как песчаная буря в пустыне. И ты ни фиги не увидишь. Мало того что там и так темно как в жопе, если поднялся ил — дороги назад ты не найдешь.

— Ты можешь её научить? — вмешалась Кира.

Кaleb покачал головой.

— Почему? У тебя ведь больше тысячи погружений. Ты же нырял на затонувшие корабли.

— Возле затонувших кораблей, — поправил её парень. — Внутрь я никогда не заплывал. Для этого нужно проходить профильные курсы. Вы поймите, для нас, дайверов, самое страшное — это когда над головой не поверхность океана, а долбаное дно корабля. Если оборудование отказывает или ещё какая-нибудь хрень случается, ты не можешь просто взять и всплыть на поверхность. А это создает панику, а паника равна смерти. Ты знала, что на этом корабле погибло пять дайверов? Двоих так и не нашли.

Конечно, Маша знала. Лёвка был одним из тех, кого так и не нашли. Она вздохнула и отвела взгляд в сторону. У неё уже не осталось никаких вариантов. Куда ей теперь идти? Денег на отель у неё не было. Арендованную машину нужно было возвращать сегодня. Единственное, что ей осталось, — это поменять даты своих билетов и лететь домой прямо сейчас, признав полное фиаско.

Она проверила телефон. Никаких сообщений от офицера Эванса.

— Есть только два чувака, которые смогут тебе помочь, — Чак Мосс и Джордан Харрисон.

— Ты их знаешь? — спросила Кира.

— Джордан учился в Англии, на самых крутых курсах. Нырял на затонувших кораблях на 80 метрах. А Чак... тот самоучка, говорят, он с баллоном первый раз погрузился, когда ему еще пяти лет не было.

Калеб достал телефон и начал скролить контакты. — Джордана я уже года три не видел. Он раньше был активный, на конференции ездил, а потом как сквозь землю провалился. А Чак еще на плаву. Сейчас. Где же он? Ага! — воскликнул он. — Чак Мосс.

— Думаешь, он согласится? — спросила Кира.

— Сейчас и узнаем, — сказал Калеб, поднося телефон к уху.

В трубке послышались гудки. Калеб встал и начал расхаживать по комнате в ожидании ответа.

— Чак! — выкрикнул Калеб. Девушки уставились на него. — Привет, чувак, это Калеб из Пиктона... Улёт... Да, студию закончил, можем у меня теперь зависать... А ты чего хрипишь? Ковид? Да ты че! Блин, и надолго? Вот засада... Слышь, можешь мне дать телефон Джордана Харрисона? Дело к нему есть... Да ты чё? Офигеть. А я и думаю, чё он в клубе не появляется. Да... Спасибо... Ну, будь здоров.

Калеб бросил телефон на стол и опять сел в кресло. По его сердобольному выражению лица Маша поняла, что дело её худо.

— У Чака ковид, — начал парень. — Вся семья в изоляции. А Джордан... — Калеб замялся. — Короче, он живет в заброшенном флигеле на родительской ферме. Тут недалеко, в заливе Дезолейт. Чак говорит, звонить ему бесполезно — связь там хреновая. Нужно ехать. Он мне сбросит координаты.

— Это же отличная новость! — воскликнула Кира, но, не заметив никакого восторга на лице Калеба, она спросила: — Разве это не отличная новость?

— Джордан в депрессии. Он уже три года не нырял. Прикинь?

— Но мастерство ведь не пропьешь, правда? Маш? Правда? — Кира переводила взгляд с Машиных потухших глаз на озабоченные глаза Калеба и обратно. — Ребята, нужно попробовать. Поехали.

— А какой смысл? — сказала Маша. — Он не погружался уже три года. Ты думаешь, что сейчас мы заявимся с бухты-барахты, и он побежит с нами нырять? Вам же сказали, у него депрессия.

— Маша, — сказал Калеб. — Если и есть тот, кто достанет тебе это сокровище с Лермонтова, так это Джордан. Тебе это любой дайвер подтвердит. Он в наших кругах — легенда.

Маша подумала, что ошиблась в Калебе. Он бесспорно был самодовольным балбесом — каких она терпеть не могла, но в то же время он был отзывчивым и добрым.

— Хорошо, — сказала она. — Давайте попробуем.

— Ура! — воскликнула Кира и вскочила с дивана. — Поехали.

Все трое вышли во двор. Маша направилась к Тойоте за сумками, Калеб принялся разгребать инструменты, освобождая заднее сиденье минивэна, а Кира, воодушевленная новым приключением, болтала без умолку. Она помогла своему другу зачихнуть провод шуруповерта в коробку, скрутила удлинитель, собрала гвозди в ведерко. Слова срывались с её губ вольно и радостно. Она давно забыла, что ей ни в коем случае нельзя было светиться, что ей нужно было держаться тише.

Калеб сказал, что её рожки выглядят мило, и она звонко расхохоталась. В ту же минуту на крыльце дома напротив показалась пышная женщина с рыжей копной волос, завязанной в гульку.

— Кира! — закричала она.

Из обуви на ногах у неё были только полуспущенные носки: один в полоску, под стать юбке, другой — розовый, скорее всего, окрашенный от полинявшей красной футболки.

— Доченька! — Женщина подхватила подол юбки и, не глядя по сторонам, побежала через проезжую часть.

Глава 15

Ноябрь, 2021

Пиктон, Южный Остров, Новая Зеландия

— Мышка, вернись! — Кира проснулась от своего же крика.

Она лежала на полу своей комнаты, всё ещё в школьной форме.

Младшая сестрёнка Айла опять разрывалась от плача. Этот дьяволенок плакал третьи сутки подряд. Как же она достала. Мама делала для неё всё, но та не унималась ни на секунду. Врач сказал, что у неё воспаление уха, но разве это повод сводить всех с ума?

Даже Мышка не выдержала и сбежала из этого дурдома, думала Кира, успокаивая своё волнение по поводу кошки, которой уже два дня не было дома. Раньше Мышка никогда не уходила надолго. Она всегда была где-то рядом. Когда Кира возвращалась из школы, кошка встречала её, ласково обтираясь о ноги, а потом бежала за ней на кухню, требуя свой пакетик корма. Наевшись, она приходила к своей хозяйке в комнату и укладывалась именно на тот учебник, который Кире нужно было читать. Своей серой мордочкой Мышка обтиралась о страницы, а потом переворачивалась на спину и мурчала, предлагая Кире погладить ей животик, что она и делала. Кошка тогда вытягивала задние лапки, а передними перебирала, то сжимая коготки, то разжимая их.

Спали они тоже вместе. Зимой Мышка залезала под одеяло и спала у Кире на руке, отдавая ей часть своего тепла, а летом лежала на полу возле кровати, раскинув лапы в стороны.

Но уже две ночи Мышки не было рядом. Сегодня утром Кира развесила плакаты с фотографией пушистой дымчатой кошки. Вверху большими буквами было написано: «Пропала кошка», внизу подпись: «Мы очень скучаем» и номер телефона.

Никто не звонил.

Кира открыла файл постера на своем ноутбуке и вместо слов «Мы очень скучаем» написала: «Вознаграждение — \$500».

Таких денег у неё не было, но она рассчитывала на своего друга Калеба. Он и раньше ей помогал, а теперь, после того, что Кира для него сделала, он не имел права ей отказать.

Кира подождала, пока распечатаются 30 объявлений, взяла из ящика стола скотч и вышла на улицу.

Неужели в таком маленьком городке могла без вести пропасть кошка? Кто-то наверняка её видел.

Мышка была совсем непримечательного вида кошкой, взятой из приюта. Первое время она была Кириным единственным другом. Жизнь в новом доме, в новой стране, с новым, так сказать, папой была непростой. А жизнь в новой школе — просто невыносимой.

Кирины рыжие волосы вдруг стали роковой проблемой. В Ростове над ней тоже подшучивали одноклассники, но это было как-то по-детски, не обидно. А тут никто не хотел сидеть с ней за партой, на переменах её сторонились, а если учитель назначал ей пару для выполнения задания, данная «пара» обязательно присоединялась к другой группе.

Но цвет волос был не единственной причиной издёвок одноклассников. Её акцент был для них куда большей забавой.

Однажды, когда Кира покидала школьный двор, расстроенная и абсолютно потерянная, её подозвал одноклассник.

—Эй, Рыжая, — поманил он её пальцем. — Ты чё всё время одна?

Кира пожалала плечами.

— А я тебе скажу чего. Говоришь ты коряво. Ни хрена не понятно. Вот как ты, например, говоришь слово walk?

— Уо-к, — Кира постаралась произнести этот глагол по всем правилам.

Парень усмехнулся. — Сразу видно, ты не местная.

— А как нужно? — спросила Кира.

— А нужно wank. Это местное наречие. Повтори.

— Уэ-нк, — Кира повторила в точности, как было сказано.

— Молодец! — сказал парень, одобрительно кивая. — Быстро учишься. Завтра научу тебя новому слову. А пока иди, гуляй.

Настроение у Кире сразу поднялось. Ни о чем не подозревая, она весь вечер практиковала новое произношение слова wank. Ох, если бы она не была такой отчаянной! Если бы не была такой доверчивой. Если бы только она проверила это слово в гугле, она бы поняла, что это не местное наречие, а вульгарный сленг, означающий мастурбировать. Но она этого не сделала.

На следующее утро, когда Кира пришла в школу, вчерашний парень стоял в группе девочек.

— Эй, Рыжая, — закричал он и помахал Кире.

Кира интенсивно замахала в ответ и направилась к группе.

— Did you wank yesterday¹? — закричал он ей.

— I did!² — громко ответила Кира, улыбаясь. Ей захотелось продемонстрировать всем, как отлично она владеет новым произношением, и она закричала: — This morning I wanked too! I wank every day!³

Толпа, окружавшая парня, залилась смехом. А девочку после этого случая так и прозвали — Wanker.

Слова, окончания, произношения — всё смешалось у неё в голове. Смех учеников, суровый взгляд учителей. Куда проще было просто молчать. И она замолчала. После школы она закрывалась у себя в комнате и не разговаривала даже с матерью.

Это была идея Патрика, маминого мужа, взять кошку из приюта. Он считал, что забота о ком-то кроме себя выведет Киру из депрессии. Отчасти он оказался прав. Заботясь о бездомной кошке, воспитывая в себе теплое чувство любви, Кира постепенно приходила в себя и обретала смысл жизни. Но разговорчивой она не стала. Наоборот, она поняла, что общаться можно и без слов, как она общалась с Мышкой. Зачем вообще нужны слова, если в них все равно не было ни доли правды?

Но в конце концов Кире пришлось заговорить.

Однажды, возвращаясь из школы, девочка заметила, что Мышка выбежала к ней из двора напротив. А за ней, из этого же двора, вышел парень. Он тогда ещё не был Акваменом, он был высоким худощавым мальчуганом в шлепках и кепке.

— Твоя? — спросил он.

Кира кивнула.

— Она любит мамину качелю. Часто спит в ней, когда я прихожу из школы. Хочешь покажу?

Мышка мурлыкнула и, подпрыгивая, отёрлась о колено парня. Он нагнулся и взял её на руки. Мышка не сопротивлялась. Это не оставило Кире выбора, и она побрела за Калёбом на задний дворик. Перед ней открылся высокий куст ароматных белых роз, а за ним стояла большая качеля. Светло-зеленая подушка сиденья с левой стороны была покрыта серым пухом.

Калёб сел на качелю. Кира присела рядом. Мышка перепрыгнула через парня и улеглась девочке на колени.

— Как её зовут?

¹ Ты вчера мастурбировала?

² Да

³ Сегодня утром я тоже мастурбировала. Я делаю это каждое утро!

Это был тот вопрос, на который Кира просто не могла ответить молчанием. За этим вопросом посыпались другие: что за порода, сколько лет, дружит ли она с соседскими кошками, ловит ли она бабочек, любит ли она сырую рыбу. Кира не заметила, как протараторила о своей кошке целых полчаса. Она бы говорила ещё и ещё, но Мышка протяжно замыкала голодным голосом, требуя причитающийся ей ужин.

В тот вечер они даже не представились друг другу, но Кира почувствовала, что обрела друга. Постепенно она начала опять разговаривать с мамой и Патриком. Они стали вместе ужинать и обсуждать шутки из телевизионных программ. По выходным они ездили рыбачить на лодке Патрика, и иногда в порту они встречали Калеба с его отцом, которые возвращались после подводной рыбалки.

Всё изменилось с появлением Айлы. Она была болезненным ребенком и забирала на себя всё внимание родителей. Кире было поручено готовить, но за столом семья уже не собиралась. Вместо шуток на кухне обсуждались лекарства, а поездки к морю заменили визиты к врачам.

Отношения с Калебом тоже изменились. Парень бросил школу и стал работать в столярке отца. Домой он приходил поздно, и Кира опять стала чувствовать себя одиноко. Мышка была её единственной поддержкой, и её пропажа была для Киры невыносимой.

Прикрепив последний постер к доске объявлений возле продуктового магазина, Кира направилась домой. Она выкрикивала имя кошки, заглядывала под припаркованные автомобили, пристально всматривалась во дворы и в окна домов.

Вернувшись, она разместила объявление о Мышке во всех социальных сетях, даже в тех, которыми никогда не пользовалась.

Она уже собиралась звонить в приют для животных SPCA, как вдруг услышала гул въезжающей в гараж машины. За ним последовал плач Айлы и мамин голос, сообщающий, что продукты для ужина в багажнике.

Кира поплелась в гараж. Она открыла багажник и вытянула тяжёлую сумку, доверху заполненную продуктами. Из неё вывалилось несколько апельсинов и закатилось под машину. Кира нагнулась и заметила на цементном полу странное бордовое пятно. Она не придала ему особого значения, предположив, что это засохшая краска.

Она пошла на кухню. Нарезала перец и лук-порей. Поставила на плиту сковородку. Достала поддон с мясом. Разорвала обтягивающую его плёнку. Забрасывая кусочки говядины в горячее масло, она заметила, как шестигранные желобки пластикового поддона заполнялись кровью. Её горло сжалось от внутреннего давления.

Она побежала обратно в гараж, включила свет и подошла к бордовому пятну. Оно было около 10 сантиметров, рядом были другие пятна — поменьше. Кира нагнулась ближе. Ей очень хотелось почувствовать запах краски. Но вместо этого она ощутила запах страха, который вонзился ей прямо в желудок, выворачивая всё, что в нем было, наружу.

Кира ворвалась в комнату Айлы, где мать укачивала наконец-то успокоившуюся дочку.

— Где Мышка? — потребовала Кира.

— Тише, доча. Не знаю я, где она.

— Не ври, — заорала Кира.

— Ты совсем поехала? Айла только что заснула.

— Что ты с ней сделала? — Кира схватила с тумбочки погремушку и с остервенением бросила её об пол. Айла проснулась. Её лицо залилось лиловой краской, и она неистово заорала.

— Ты убила её. Убийца, — прокричала Кира и вылетела из комнаты.

Глава 16

Декабрь, 2022

Пиктон, Южный Остров, Новая Зеландия

Женщина переступила через бордюр и оказалась на тротуаре напротив дома Калеба. Медленно приближаясь, она заговорила на русском: — Доча, пожалуйста, вернись домой.

Маша почувствовала, как дыхание девочки участилось, её взмокшая рука вцепилась в Машину ладонь. Она не понимала Кирину реакцию, но доверилась ей.

— Женщина, Вам лучше уйти, — сказала Маша, оттягивая Киру за спину.

— Как я могу уйти? Это же моя дочь. Кирочка, прости меня.

Еще один шаг, и женщина оказалась бы на газоне, но Кaleb, подавшись вперед, остановил её.

— Ms Блэквилл, я вас в дом не приглашал. Сойдите с частной территории.

Ms Блэквилл, до замужества известная как Татьяна Олеговна Бабаева, даже не глянула в сторону парня, но шаг назад сделала.

— Доча, почему же ты меня так ненавидишь?

— Ты ещё спрашиваешь? — выкрикнула Кира. — Ты убила моего единственного друга.

Ms Блэквилл закачала головой. — Кира, если бы ты знала, как это больно, когда родная дочь тебя отталкивает. — Она вытянула руку в сторону Киры, и по её веснушчатым щекам полились слезы. — Если бы ты только знала!

— А ты знаешь, как это больно, когда родная мать тебе врёт! — сказала Кира, всё ещё впиваясь в руку Маши. — Ты скрыла это. И нагло врала мне в лицо.

Ms Блэквилл, плотно зажмурив глаза, мотала головой.

— Ты говорила, что не знаешь, где она. Я как дура клеила объявления по всему городу, а ты знала, что её уже нет, — сказала Кира, а потом продолжила на английском: — Пожалуйста, давайте уедем. Прямо сейчас.

— Конечно, — согласилась Маша.

— Нет! Стой, — не унималась Ms Блэквилл. — Я не врала. Пойми, у Айлы был страшный грипп.

— И что?

— У неё поднялась температура. Я должна была как можно скорее отвезти её в больницу. Я перепутала передачи. Это была случайность.

— Я не сомневаюсь, что это была случайность. Но почему ты это скрыла, а потом ещё и врала мне?

— Нет, я не врала, — сказала Татьяна Олеговна, захлёбываясь слезами. — Я не заметила, как это произошло. Её нашел Патрик. Он не сказал мне. Пощадил. И тебе он не знал, как сказать. Ты же её так любила.

Мышку нашел Патрик? Мама не знала? Если это правда, то причинно-следственная связь, оправдывающая Кирино отношение к матери, нарушалась. Получается, мать ей не лгала. Получается обижаться не на что. Мозгами Кира это понимала, но вот душой... Душой простить мать она всё равно не могла. И тут дело было не в Мышке. Не только в Мышке...

— Едем? — спросил Кaleb.

— Едем, — ответила Кира.

— Подожди. Пожалуйста. Просто подожди, — затараторила Татьяна Олеговна, утирая слёзы пухлой ладонью. — Секунду. Я о большем не прошу. Я хочу тебе кое-что отдать. — Она устала на дочь, широко раскрыв свои большие серые глаза. — Пожалуйста.

Кира кивнула.

Воодушевленная и, по всей видимости, не ожидавшая такого ответа, Ms Блэквилл ринулась обратно в дом. Пока она бежала, её гулька растрепалась, и зелёная резинка соскользнула с волос на проезжую часть.

Кира подняла её и зашла во двор дома, в котором когда-то жила.

Мама впопыхах выбежала на улицу и вскрикнула, не ожидая увидеть свою дочку так близко.

— Ты обронила, — сказала Кира, отдавая ей резинку.

— Спасибо, доченька. Вот... — Она протянула Кире квадратную металлическую коробку. — Это тебе.

Кира знала, что хранится в таких коробках. Это их особый вид, который, даже имея разную форму, цвет, размер и материал, абсолютно точно свидетельствовал об их содержимом.

Этот «подарок» её ошарашил. Она смотрела на него, не зная, как взять его в руки. Как с ним обращаться.

— Патрик хотел, чтобы ты сама развеяла. Прости.

Кире стало не по себе. Она ничего этого не хотела. Ни встречи с матерью, ни её признания, ни праха своей кошки. — Мне надо ехать, — сказала она и уже была готова уйти, когда во двор вышел ребенок. У Киры перехватило дыхание. Вот она — истинная причина её обиды на мать. Этот дьяволенок!

На Айле был махровый халат динозавра, который когда-то принадлежал Кире. Она шла, пошатываясь, к маме, неумело поправляя коротенькими ручонками свои пушистые рыжие волосы, которые то и дело лезли ей в глаза.

— Мамочка, кто это? — спросила девочка на английском. Она дернула маму за юбку и вопросительно посмотрела на неё, хлопая своими длинными ресницами.

Кира всем сердцем хотела ненавидеть эту малявку. Она забрала у неё мать. Чужая девочка, от чужого мужчины, которая разговаривает с ее мамой на чужом языке. Чужая, чужая, крутилось у Киры в голове, но как же чертовски она была на неё похожа. Она ведь была точным её отражением. Эта белая кожа, эти серые глаза, эти волосы... Над ней точно так же, как и над Кирой, будут издеваться в школе.

Кира не хотела плакать, но слезы сами собой наполнили глаза и полились на футболку. Её захлестнуло сожаление. Сожаление о чем-то ушедшем. О том, что уже никогда не вернуть и не исправить.

Она присела на корточки и спросила: — Ты меня совсем не помнишь?

Айла качала головой.

— Я твоя сестра, котёнок.

Малышка пальчиком дотронулась до Кириных волос и стала пристально её рассматривать. С такой открытой любознательностью на Киру ещё никогда никто не смотрел.

— Как я, — сказала Айла.

— Да, мы похожи, — сказала Кира, наблюдая за взглядом сестрички.

Малышка посмотрела на обруч с рожками и сказала: — Блестящий.

— Нравится? — спросила Кира, снимая обруч. — Забирай. — Она легонько откинула волосы с личика назад и пригладила их обручем. — С Рождеством, котёнок, — сказала она и поцеловала Айлу в лоб.

— Пойдём, покажу драконов, — сказала девочка. — Пойдём играть.

— Сейчас не могу. Мне надо помочь другу.

Айла посмотрела на Машу и с мудрым выражением констатировала: — Она большая.

— Даже большим иногда нужна помощь.

— Окау, — сказала Айла.

— Мы обязательно поиграем, котёнок. Я обещаю, — сказала Кира, шмыгая носом. Она подумала, что не сейчас, но очень скоро ей захочется узнать этого дьяволенка получше.

— Не плачь, — сказала Айла.

— Не буду, — сказала Кира мокрыми губами и встала. — Пока, мам.

— Я тебе позвоню, хорошо? — спросила Татьяна Олеговна.

Кира кивнула и побежала через дорогу. Чтобы сдержать всхлипы, она прикусила запястье и, не глядя на друзей, нырнула в кузов минивэна.

Глава 17

Декабрь, 2022

Залив Дезолейт, Южный Остров, Новая Зеландия

Джордана разбудил горячий луч света, который, проникая через приоткрытую дверь, отражался от пустой бутылки, как от увеличительного стекла, и прожигал его закипшие веки.

Он думал, что не заснёт всю ночь, а вместо этого он проспал.

Голова раскалывалась, будто вчера его хорошенько приложили, после чего его мозги распухли и распирали череп изнутри.

Он вышел на улицу и отлил. С севера опять напозлали тёмно-синие тучи. Мерзкая погода не отпускала. Застегнув ширинку, Джордан заметил, что Фокси нигде не было. Почему она не выбежала за ним? Несколько раз он её позвал. Безрезультатно.

Чертовщина какая-то.

Тогда он воспользовался проверенным способом и демонстративно раскрыл пакет с кормом. Потом, держа его высоко, насыпал его в миску. Сухие кусочки застучали о металл, и собака, облизываясь, выползла из-под кровати.

— Вот ты где, — он погладил её между ушей. — Поедешь сегодня к отцу, — сказал он, стараясь звучать оптимистично и убедительно. Но после этой фразы собака перестала есть, прижала уши и медленно попятилась. Джордан схватил её за ошейник, но Фокси выкрутилась, и начался цирк.

Она выбежала на улицу и, лая, помчалась наматывать круги вокруг флигеля. После трех кругов она остановилась и вывалила язык, потом заскулила, прыгнула на Джордана и опять убежала. Её никак не удавалось поймать и посадить на квад. В конце концов она опять забежала в дом и спряталась под кровать. Оставить её здесь? А что, если отец появится только через несколько дней? Связи возле флигеля не было, Джордан даже не мог отправить Ричу сообщение с просьбой забрать собаку.

Примерно через час, немислимыми уговорами, Джордану все-таки удалось выманить Фокси. Он ненавидел себя за ложь. Его руки дрожали, когда он пристегивал её за поводок. Сообразив, что её провели, собака стала уворачиваться и упираться всеми лапами, будто её везли к ветеринару. От жалости к другу внутренности Джордана разрывались, но он не мог поддаваться эмоциям. Только не сейчас. Ничто не должно помешать его плану. Он должен закончить это. Раз и навсегда. Он должен поступить как мужчина.

Всю дорогу к родительскому дому Джордан держал Фокси за ошейник, чтобы та не спрыгнула. Когда он тащил её в дом, она так же рьяно упиралась, а её когти скребли по бетонной дорожке. Он попытался взять её на руки — в ответ она укусила его за щеку. Брызнула кровь, но Джордан все равно схватил её и внес в дом. Пульсирующая боль свежей раны принесла ему облегчение, она была расплатой за то, как он поступал со своим псом.

Он поставил Фокси на пол, та прижалась задом к двери и зарычала. Какое жалкое зрелище. Он даже свою собаку раздражает. Скорее бы уже все закончилось.

— Сынок! — обрадовалась мать, но её лицо осунулось, когда она заметила кровь. — Что случилось?

— Ничего. Всё отлично, — сказал Джордан, прикладывая к щеке кухонное полотенце. — Мне нужно в город на пару дней. Присмотрите за собакой?

— Конечно, — сказала мать, отодвигая руку Джордана с полотенцем от щеки и разглядывая рану. — Давай перекисью залью. А то загноится.

— Не стоит. — Джордан посмотрел на свою мать. Она была такая крохотная, но на лице горел здоровый румянец.

— Ма, как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, сынок. Проклятый ковид наконец-то отпустил. Теперь хоть отцу буду помогать, а то кто ж ему поможет? Всё один да один.

Это был упрёк. Осознанный или нет, но Джордан его уловил. Он не был тем сыном, который нужен был этой семье. Он с детства ненавидел ферму, но мать не пыталась понять почему. Она предпочитала это игнорировать, как и всё остальное, что могло усложнить её существование. Вот и сейчас, находясь так близко к Джордану, она не могла не заметить отвратительного перегара, который исходил из недр её сына. Но вместо того чтобы спросить, почему он пил, она спросила: «Что приготовить к твоему приезду?»

— Что хочешь, — сказал Джордан. — У тебя всё очень вкусно. — Он заставил себя обнять мать и сказать, что любит её.

— Я тоже тебя люблю, сынок. И папа тебя любит.

Доля правды наверняка была в этих словах, только это была странная любовь. Больше похожая на не очень добросовестное выполнение обязанности, чем на искреннее чувство.

Джордана удивляло, что ни мать, ни отец никогда не интересовались, почему он скатывался в пропасть. Для них такая траектория жизни их нерадивого сына была предсказуемой и ожидаемой. А причина «скатывания по наклонной» была не важна. Их сын был одним из тех неудачников, кои сидят на госпособии, играют «в компьютер» и беспробудно пьют. Интересно, удивятся ли они, когда найдут его тело, или это станет для них логичным окончанием фильма «Жалкая жизнь Джордана Харрисона».

— Мне пора, мам.

— Хорошо, сынок.

— Фокси не выпускай, пока я не уеду.

— Хорошо, сынок.

Во всей этой процессии самым паскудным было оставлять собаку. Он жалел, что был с ней так груб. Теперь Фокси запомнит его лжецом и предателем. Смелости смотреть ей в глаза у него не было, поэтому он вышел через заднюю дверь. «Когда даешь себя приручить, потом случается и плакать», — вспомнились ему слова, прочитанные Луизой. Он бросил на квад кровавое полотенце и несколько секунд стоял, сторбившись, облокотившись руками на ручки руля. Подлая влажность проникала внутрь брезентового плаща прямо в душу. Вокруг черные вытопанные поля и серые не о чем не подозревающие овцы. Почему он не устроил свою жизнь за границей, как это сделали сестры? Зачем он вернулся?

Вздохнув, он выпрямился и достал телефон.

«Прости, что не попрощался», — начал он набирать сообщение. Потом вытер. Выключил телефон, положил его в карман. Тут же вытащил его и продолжил набирать: «Прости, что долго не выходил на связь. Даже после того, как ты уехала, ты всегда оставалась со мной. Я не мог тебя простить, но я был глуп. Люблю тебя».

Отправить — Луиза.

И следом он набрал другое сообщение: «Я обязан тебе своей любовью к морю. Надеюсь, ты поймешь мой выбор. Люблю тебя».

Отправить — Никола.

В Сиднее было 11 утра, в Ньюкасле полночь. Он дал им несколько минут на ответ. Но сообщений не последовало. Он положил телефон обратно в карман, сел на квад и, прислушиваясь к вибрации, отправился к флигелю.

Закрывая ворота фермы, Джордан оставлял там все мысли о своей семье: обиды, переживания, воспоминания. Он оставлял там скорбь, ответственность, любовь. Все то, что могло вызвать чувства и помешать ему совершить задуманное.

Часть II Глава 18

Минивэн вскарабкивался вверх по грунтовой дороге, пролегающей сквозь густую чащу. За окном мелькали пейзажи фантасмагории. Лес был сочным и живым. В нем всё двигалось и колыхалось в такт его дыханию. Меж ветвей сновали темные тени птиц, которые издавали совершенно непривычные уху трели. Их мелодия была похожа на мириады капелек, стекающих в хрустальный ручей под звон колокольчиков и хохот гномов.

Гигантские папоротники раскинули свои тяжелые от дождя, двухметровые листья прямо на дорогу. В глубине леса прямые, мощные, покрытые чёрным налётом стволы деревьев уносили свои кроны высоко вверх — так высоко, что лишь небеса могли ими любоваться. Меж этими гигантами, на тонких и кривых ветвях, свои густые светло-зелёные бороды развесили мхи. Встречались и пальмы с резными листьями, и смешные деревья, верхушки которых напоминали колючих ежей.

Время от времени в салон просачивался приторно-сладкий аромат мёда вперемешку с запахом сырой земли.

Маша и Кaleb тихо беседовали, пока Кира спала на заднем сиденье. Её голова, облокотившись на спинку, подсакивала на кочках, она открывала глаза, но монотонный гул двигателя и приглушенные голоса друзей опять погружали её в глубокий транс.

Кaleb рассказал, что Кира приехала в Новую Зеландию, когда ей было десять. В школе у неё сразу же начались проблемы из-за внешности и грубого акцента. В семье тоже дела не шли гладко. Мать была увлечена собой, делая всё, чтобы не разочаровать Патрика, с которым она познакомилась по интернету. До замужества она встречалась с ним лишь однажды, когда тот приехал в Ростов удостовериться в том, что его пышногрудая блондинка, коей в то время была Татьяна Олеговна, выглядела в реальности так же, как на безупречно отполированных фотографиях.

А когда появилась крошка Айла, Кире пришлось выполнять уйму домашних обязанностей, которые она ненавидела и считала несправедливыми.

Маша слушала Калеба с большим интересом, но всё, что она слышала, это то, что у Киры была мама, которая к тому же хотела, чтобы её дочь вернулась домой. Маша так же, как и Кира, скиталась по квартирам и собирала каждую копейку, но в отличие от Киры варианта «вернуться домой» у неё не было. Ей было любопытно понять чувства человека, которого где-то ждут, о котором кто-то думает. Влияет ли присутствие такой «страховки» на его решения? Идёт ли он на большой риск? Ведь если не получится, всегда можно «вернуться домой».

— ...И пока она кочевала, она ни с кем не общалась, — продолжил Кaleb. — Она даже мне не писала.

Сказав последнюю фразу, он сухо откашлялся и потянулся к телефону, прикрепленному к лобовому стеклу на подставке. По видимому он знал, как Кира относилась к нему, но по какой-то причине стеснялся этого. А может, это было ему неприятно.

— Кажется, здесь, — сказал Кaleb, съезжая на обочину возле деревянного указателя «К заливу Дезолейт». — Дальше пешком, — сказал он и заглушил мотор.

— Ура! — выкрикнула Кира, широко улыбаясь. — Приключения зовут.

Все трое нырнули в лес и зашагали гуськом по узкой дорожке, пролегающей между плотным кустарником. Его сердцевидные листья обтирались об одежду, оставляя на ней мокрые полосы.

Кира сорвала листик и, раскручивая его на черешке, мурлыкала себе под нос какую-то песню, но, когда среди лесной кроны показалась коричневая покатая крыша, девочка затихла. Листик замер в её руках, и она замедлилась.

— Кир, ты в порядке? — спросила Маша, которая шла за ней.

— Да, — сказала она. Листик закрутился снова, и она ускорила, догоняя Калеба.

Впереди показалась прогалина. Ребята вышли из леса и оказались на опушке. Справа находился трехметровый бак для сбора дождевой воды, к нему примыкали две маленькие постройки, служившие душем и туалетом, а прямо, всего в десяти шагах, находился домик.

Это место напомнило Маше турбазу в Солнечногорске, где они отдыхали с братом и бабушкой. Не хватало лишь запаха сосновых иголок.

Переступив через обломки пластиковых труб и другого строительного мусора, ребята подошли к домику.

Маша заглянула в окошко, но ничего не увидела.

— Не думаю, что здесь кто-то живет, — сказала она. — Окна заколочены изнутри.

— Все в паутине, — сказала Кира, рассматривая серые клочья, в которых запутались сухие насекомые и веточки.

К входной двери вели три деревянные ступеньки. Их коричневая краска была стерта посередине, обнажая светлое дерево, в котором образовалось углубление от ботинок постояльцев.

Калёб ступил на первую ступень — она закрипела, и из-под домика выскочила упитанная птица, похожая на дикую курицу. Маша и Кира вздрогнули. Птица оглянулась на непрошенных гостей и, быстро перебирая мощными розовыми лапами, нырнула в кусты.

— Это киви? — шепнула Маша.

— Уэка, — ответила Кира.

Калёб постучал в дверь. — Джордан, чувак, ты дома?

Не получив ответа, он дернул ручку, и дверь открылась. Он зашёл внутрь. Послышалось гулкое эхо его шагов. Казалось, весь домик содрогался, когда тяжёлые ботинки Калеба маршировали из одного угла в другой.

— Никого, — сказал он и вдруг взвизгнул.

— Что там? — спросила Кира и бросилась внутрь. Маша побежала за ней.

В домике было темно и пахло странно — может, плесенью, может, старыми занавесками. Это был не то чтобы противный запах, но он отзывался где-то в глубине души, возбуждая тревожные мысли.

Маша включила фонарик телефона. Домик был разделен на две зоны: слева от входа — спальня, а справа — кухня.

В спальней зоне располагались две двухъярусные кровати. Из постельного белья на них были лишь обтянутые бледно-кофейным полиэтиленом матрасы, на одной из нижних кроватей лежала подушка, достаточно новая, но без наволочки. Под этой же кроватью на полу лежали две сумки и чемодан.

Посередине стоял прямоугольный деревянный стол. Рядом с ним мусорное ведро, в нем — бутылка водки и пустая упаковка собачьего корма.

— У Джордана есть собака? — спросила Маша.

— Раньше не было, — ответил Калёб. — Говорю же, я его уже три года не видел. — Посмотрите сюда, — сказал он, освещая своим фонариком кухонную раковину.

Маша представила себе натюрморт грязной посуды, покрытой червями и тараканами. Но нет — натюрморт оказался более отвратительным.

— Господи, что здесь происходило? — сказала она, рассматривая дно раковины, покрытое пучками светлых человеческих волос, сантиметров по семь. Поверх них лежал длинный самодельный нож с засаленной деревянной ручкой. А сбоку раковины находилось кухонное полотенце, покрытое бордовыми пятнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.